

ДАНАЯ
ИНАЯ

В ПЛЕНУ:
ЖЕНА ДВУХ
варваров

Даная Иная

В плену: жена двух варваров

«Литнет»

2025

Иная Д.

В плену: жена двух варваров / Д. Иная — «Литнет», 2025

Меня предал мой любимый: вместе со своими друзьями он унизил меня в ту ночь, когда я планировала отдать ему девственность. Сбежав, я оказалась в плену двух варваров — они почему-то посчитали меня своей женой, с которой могут делать все, что им заблагорассудится. Но самое страшное было не это. А то, что я начала всего этого хотеть. *** — Я не понимаю, что происходит! — выкрикнула я. — Кто вы вообще такие?! — Тан и Фар, — спокойно ответил первый. — Мы твои мужья. На секунду мне показалось, что я ослышалась. Мужья? Что за бред? — Догадываешься, что это значит? — похабно подмигнул второй. И что-то мне подсказывало, что ничего хорошего это не означало. *** Важно: В книге присутствуют очень откровенные сцены, нецензурная лексика, dirty talk, взаимодействия в формате МЖМ. Может быть жестко! Все описанное — художественный вымысел, созданный исключительно для того, чтобы пощекотать нервы без риска и вреда. В реальной жизни подобное поведение недопустимо. Пожалуйста, будьте внимательны, если такие темы для вас чувствительны или вызывают моральное отторжение. *** У истории есть небольшое предисловие в виде бесплатного миника. По желанию его можно прочитать тут:

Содержание

Глава 1. Сюрприз	5
Глава 2. Подарок	8
Глава 3. Вспышка	11
Глава 4. Бегство	14
Глава 5. Незнакомцы	17
Глава 6. Граница	20
Глава 7. Переход	23
Глава 8. Возвращение	26
Глава 9. Подруга	29
Глава 10. Разговор	33
Глава 11. Ложе	36
Глава 12. В ловушке	38
Глава 13. Раздвинутые границы	41
Глава 14. Там и здесь	44
Глава 15. Послевкусие	47
Глава 16. Несмотря на страх	50
Глава 17. Никита	53
Глава 18. В купальне	56
Глава 19. Окончательно их	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Глава 1. Сюрприз

— Ну что, детка, теперь-то чувствуешь себя взрослой?

Я не знала, что ответить на этот вопрос. Тим оторвался от дороги, протянул руку и погладил меня по внутренней стороне бедра, напоминая, что произойдет сегодня ночью. И хотя мы обсуждали это, я все равно не могла избавиться от неуверенности в принятом решении.

Мне исполнилось двадцать. Вроде бы такая круглая дата. Но от этого на душе было как-то зыбко — словно я стояла на тонком льду, и подо мной трещала вода. Не знаю, откуда взялось это сравнение — просто засело в голове с самого утра.

— Ну... относительно, — абстрактно отозвалась я, и поспешила сменить тему. — Скоро приедем?

— Еще минут пятнадцать, — небрежно бросил Тим и, опять отвлекшись от трассы, просял. — Уже не терпится? — на этих словах он подмигнул.

Затем щелкнул по экрану телефона, проверяя уведомления. Мобильник был установлен на специальную подставку, и Тим то и дело туда заглядывал. Потом отбил ритм пальцами по рулю, подхватывая какой-то собственный бит.

— Просто хочу в туалет, — мило улыбнулась я и уставилась на дорогу.

Сухие дни закончились аккуратно в день моего рождения. Но дождь не портил настроение — наоборот, будто делал день особенным. В каплях на стекле отражались фары встречных машин, и чудилось, будто путь специально нарядился для моего праздника. Смотрелось красиво и кинематографично.

Тим держал руль одной рукой, другой постукивал пальцами по колену в такт какой-то мелодии, звучащей у него в голове. Я не спрашивала, что это за песня, просто слушала, как двигатель урчит под капотом, и пыталась убедить себя, что сюрприз, задуманный моим парнем — как раз то, что надо.

Утром Тим прислал смс с поздравлением и обещанием, что отвезет меня «в одно место». Я не уточняла, куда именно — он бы все равно не признался. Но, если честно, догадывалась: наверняка он решил провести время в загородном доме его родителей. Я была там однажды: довольно современный коттедж с несколькими спальнями, ванной и туалетом. Родителей Тима не было, и мы провели там весь день.

В тот вечер мой парень наверняка рассчитывал на большее, как и все полгода наших встречаний. Но я не была готова. Тогда — точно, а сейчас... Да и возможно ли вообще к этому подготовиться?

Однако Тима я любила, как и он меня. Наверное, все шло так, как и должно было быть: любимый парень, поездка за город, немного волнения. Я старалась не углубляться в то, как это будет, просто хотела, чтобы ночь стала запоминающейся.

Тим повернул голову, скользнул по мне взглядом, и уголки его губ чуть дрогнули.

— Ты какая-то напряженная, Ник, — сказал он. — День рождения все-таки. Расслабься.

— Я расслаблена, — ответила я, запнувшись. — Просто думаю, что там будет. Что за сюрприз.

— Все будет хорошо, детка, не парься.

Тим обожал это слово и постоянно так называл меня. Не то чтобы я была сильно против, но, казалось, оно совсем не про меня.

За последние месяцы с Тимофеем я изменилась: стала мягче, покорнее. Он всегда владел ситуацией, а мне можно было расслабиться.

Наверное, такое положение вещей было логичным, ведь отношений без компромиссов не построить. Зато Тим говорил, что ценит во мне это спокойствие. Что я умею не спорить, а слушать.

Мне даже это нравилось, потому что рядом с ним все было правильно, по-взрослому. Просто временами было тяжело держать эту взятую когда-то планку.

Я вновь отвела взгляд к окну. Тусклое полутемное небо низко висело выцветшим полотном. Мир за стеклом растворялся в сером тумане, и в отражении я видела свое расплывчатое бесцветное лицо. Тим обещал заехать за мной в два, но получилось только к четырем, и теперь неизбежно вечерело.

Вообще, день начался неплохо: я проснулась у подруги Вики после хэллоуинских обрядов, и настроение у меня было отличным. Ночные гадания вышли странными, но я все равно почему-то ничего не помнила, да и не так уж верила во все это.

Тим погладил меня по колену. Затем взял за запястье — его пальцы оказались ледяными, и я невольно дернулась.

— Так, а это что?

— Не знаю, обожглась вчера, — виновато пожала я плечами.

После обряда у Вики на моем левом запястье и вправду остался какой-то след — я и сама не имела понятия, откуда.

— Говорил, не надо было тащиться на какие-то там гадания. Что нагадали-то хоть? Суженого этой твоей поди подбирали, епта? — расхохотался Тим.

Мне стало неприятно. Да, ему не нравилась моя подруга, но обязательно ли было так выражаться?

— Ну ты че, детка? — заметил мою насуспенность Тимофей. — Я ж так, просто. Хочешь, включу музыку?

— Да, давай.

Вскоре из колонок раздался рэп — я нормально к нему относилась, так что просить переключить не понадобилось.

Поля никак не заканчивались. Я приоткрыла окно — в лицо сыро и морозно пахнуло. Внутри стало немного спокойнее, будто этот воздух подрастопил комок, что целый день сдавливал грудь.

— Закрой, а то застудишь нас, — обронил Тим, и я поспешно нажала кнопку.

Я снова повернулась к нему и принялась разглядывать профиль: каштановые уложенные волосы, ровный нос, удивительно полные губы. Тимофей был симпатичным. Многие девушки были бы не против оказаться на моем месте. А еще он был старше на пять лет, и у него уже все было, и не раз. Потому ему и было непросто довольствоваться поцелуями.

Тим поймал мой взгляд.

— Не смотри так, а то сверну не туда, — ухмыльнулся он.

— Может, и не надо туда, куда ты собрался? — попыталась я пошутить.

— Поверь, нам надо именно туда.

Наконец машина свернула с трассы. Асфальт кончился, под колесами зашуршал гравий. Мы въехали в лес. В прошлый раз, кажется, мы добрались той же дорогой. Сейчас все было почти так же, единственное, солнца не хватало.

Тим слегка сбросил скорость: впереди виднелся шлагбаум. Я угадала: именно в этом садоводческом товариществе располагалась дача его родителей.

— Почти приехали, — проговорил он довольным голосом, ожидая моей реакции.

— Мы едем к твоим родителям? — спросила я, хотя уже знала ответ.

— Нет, — усмехнулся Тим. — Их там не будет.

Дом располагался у самого леса. Мы почти доехали до него, когда я обнаружила, что ворота открыты, а внутри горит свет. Мы заехали и припарковались рядом с черной машиной. Лишь после этого я обратила внимание, что на крыльце стоят у курят трое парней.

— Тим, — тихо произнесла я. — Это кто?

— Мои пацаны, — ответил он, словно это было само собой разумеющееся.

— Мы ж тут зависали вчера, пока ты там гадала — вот парни и остались. Захотели отметить с нами. Ты же не против?

Так получилось, что я не была знакома ни с кем из компании Тима. Он не то чтобы прятал меня, просто как-то не складывалось. У него всегда были дела и встречи с друзьями, которых я ни разу не видела. Иногда я спрашивала, кто они, но он отвечал, что мне будет скучно, и все. Может, и правда. Но в таком случае не стоило звать их и сегодня. С другой стороны, это был шаг к сближению, так?

— Я думала, мы будем вдвоем. Я бы Вику тогда позвала, если знала...

— Так и будем. Потом, — Тим выключил зажигание. — Не начинай, окей? Праздник, веселимся! — он наклонился, поцеловал меня и вышел из машины.

Я задержалась на несколько секунд дольше, глядя, как он машет друзьям рукой. Один из них громко крикнул:

— О! Вот и именинница!

Раздался мужской смех. Я вздохнула и, натянув улыбку, тоже вышла. Сюрприз явно удался. Просто он был не совсем тем, о чем я мечтала.

Добро пожаловать в жаркую историю про попаданку и МЖМ! Напомню, что у книги есть небольшая предыстория, ее можно прочитать тут:

<https://litnet.com/shrt/FeUS>

Глава 2. Подарок

Один из парней — высокий, с татуировкой на шее — спустился, когда я приблизилась к крыльцу. Он выглядел уверенно, будто был здесь хозяином, а Тим — всего лишь гостем, вернувшимся после долгого отсутствия. Ну а я и вовсе ощущала себя плюс один.

— Привет, — протянул он руку. — Я Макс. Классное у тебя пальто.

Я на секунду замешкалась, не понимая, как правильно отреагировать. В конце концов просто протянула руку в ответ.

— Макс, хватит флиртовать, — Тим говорил вроде бы шутливо, но и серьезно одновременно. — Это Ника. Моя девушка.

Макс улыбнулся шире, не отступая.

— Да я пальто похвалил, — отозвался он. — Че ты сразу начинаешь?

— Слишком хорошо тебя знаю, — в голосе Тима послышался тот хриплый оттенок, который появлялся, когда он раздражался.

Остальные тоже подошли ближе. Один, приземистый, в толстовке с пятном на рукаве, представился Витьком, другой — худой, с длинными волосами, — Ленкой.

Вроде бы парни как парни, но я почему-то сразу ощутила, что рядом с ними нужно быть настороже. В их манере стоять, смеяться, смотреть было что-то угловатое, напряженное. Они не были гопниками — скорее, теми, кто привык все время проверять чужие границы.

Тим на их фоне смотрелся иначе. И все же рядом с друзьями он словно поменялся: стал грубее и резче, как будто рядом с ними позволял себе то, что со мной сдерживал.

— Ну наконец-то, — сказал Витька, когда мы поднялись на крыльцо. — Мы уж думали, ты вообще не вернешься.

— Дак до города и обратно попробуй доедь быстро сейчас.

— Ага, особенно когда ты едешь не один, — Ленка скользнул по мне взглядом. — Получается, это и есть твоя Ника?

— Она самая, — ладонь Тима легла мне на поясницу. — Именинница сегодняшняя.

— Ну, за именинницу надо выпить, — Витька хлопнул Тима по плечу. — Проходите, у нас уже все готово.

Макс, который с татушкой, открыл дверь пошире.

— Добро пожаловать в наш скромный замок. Ну, не совсем наш — Тима. Была здесь?

— Один раз, — ответила я и шагнула внутрь.

Было заметно, что парни ночевали тут. В прихожей валялись кроссовки и куртки, гнездилась батарея пустых бутылок.

Тим сразу пошел вперед, в комнату. А я замерла у порога, разуваясь и чувствуя себя немного не к месту — как человек, которого пригласили на вечеринку, где все давно знакомы.

Макс подошел ближе, взял из моих рук пальто.

— Давай я повешу. Разбросали тут свои пожитки, черти.

— Спасибо.

— Ты не волнуйся, — добавил он вполголоса, смотря мне прямо в глаза. — Мы добрые. Я не успела произнести ни слова — из комнаты выкрикнул Тим:

— Ник, ну ты где там застряла?

Я вдохнула поглубже и пошла на звук его голоса. Тим включил музыку — из колонок донеслись глухие басы. Он выглядел совсем иначе, чем в машине: живее, громче, будто вошел в привычную роль. Наверное, это и был тот настоящий Тим — тот, которого я еще не знала.

— Садись, — он шлепнул рукой по дивану. — Ща ребята мясо догреют, поедим, потом торт, подарки... все как надо.

Я присела на край дивана, стараясь не мешать. Макс что-то рассказывал. Витька ржал, Ленька торчал в телефоне и периодически поддакивал. Все чувствовали себя свободно, кроме меня.

Тим сидел рядом, но все внимание отдавал друзьям: шутил, громко ржал — так, что у него на шее напрягались жилы. Я смотрела на него сбоку, снова и снова ловя себя на мысли, что не узнаю своего Тима.

— Ты чего такая тихая, именинница? — вдруг спросил Макс. — Не нравится с нами?

— Нравится, — проговорила я. — Просто не привыкла к новым людям.

— А, интроверт, — кивнул он. — Это нормально. Мы все сначала стесняемся.

Тим повернулся к нему, бросив многозначительный взгляд.

— Макс, иди глянь мясо, — кинул он. — Пока ты тут языком работаешь, оно подгорит.

— Окей, начальник, — лениво ответил тот и, подмигнув мне, ушел на кухню.

Я сделала вид, что ничего не заметила. Тим положил руку мне на колено — не столько из нежности, сколько для того, чтобы показать всем, с кем я.

Глупо — я не была какой-то уж нереальной красоткой, чтобы его друзья вздумали отбить меня. Единственным моим достоинством были, пожалуй, волосы — длинные, холодного светлого оттенка. Правда, в честь Хэллоуина Вика помогла мне покрасить их в серебряный — так что выглядела я сейчас необычно.

— Все норм, — Тим поцеловал меня куда-то в районе шеи. — Расслабься.

Я кивнула, хотя расслабиться было сложно. Вокруг были шум, смех, звон бутылок, музыка. Не так я себе представляла свой день рождения.

Впрочем, когда принесли еду, стало повеселее. Макс принес мясо и овощи, пар поднимался к потолку, пахло дымом и специями. Тим налил мне вина, сам открыл пиво. Я глотнула, затем еще раз, и еще — и постепенно начала чувствовать себя раскрепощеннее.

Макс сел напротив, закинул ногу на ногу, рассказывал историю о том, как на прошлой неделе ездил с кем-то «на рыбалку» — но, судя по смеху, рыбы там не было вовсе. Витек, Ленька и Тим вставляли реплики, и я смеялась вместе с ними, хоть толком не понимала, над чем именно.

— А у тебя прикольное имя, — сказал Ленька, когда история закончилась. — Ника. Коротко, запоминается. Это сокращенно от чего-то?

— Нет, меня прямо так и назвали, — ответила я. — Ника.

— Круто, че, — хмыкнул Витек.

В какой-то момент Макс выключил свет, оставив только гирлянду у окна. Оранжевое освещение сделало пространство теплее, лица — спокойнее, и мне впервые стало по-настоящему уютно.

Тим одной рукой обнимал меня, другой держал бутылку. Его пальцы скользнули по моей талии и остановились на бедре.

— Все норм? — спросил он.

— Ага. Просто шумно.

— Так и должно быть, — усмехнулся Тим. — Это же вечеринка.

И все действительно казалось почти нормальным. Смешки и бутылки перестали раздражать, даже Макс уже не вызывал неловкости — я привыкла к его внимательному взгляду и начала различать в нем нечто вроде искреннего интереса.

Тут вдруг Тим поднял свой бокал.

— За мою девочку, — произнес он, глядя не на всех, а на меня. — Чтобы всегда оставалась такой.

Я смущенно подняла бокал, и мы все чокнулись.

— И еще, — добавил Тим, поставив бокал на стол, — у меня для тебя подарок.

Он объявил это слишком громко, так что все тут же замолчали.

— Ты хочешь подарить его прямо сейчас? — уточнила я.

— А когда же еще? — Тим с усмешкой наклонился, вытаскивая из-под дивана плотный черный пакет. — Праздник ведь.

Он достал из пакета розовую коробку, перевязанную атласной лентой. Я машинально потянулась к ней, но Тим не сразу отдал мне ее — видимо, хотел, чтобы все успели рассмотреть.

— Вот, — сказал он. — Это тебе.

— Можно открыть?

— Нужно.

Я сдернула ленту, приподняла крышку — и сердце ухнуло куда-то вниз. Внутри, на бордовой шелковой подкладке, лежало нижнее белье: кружевное, полупрозрачное. Такое... из тех, что продаются в секс-шопах. Наверное — я там ни разу не была.

— Нравится? — спросил Тим, наблюдая за моей реакцией. — Покажи всем, я же старался, выбирал.

Я слабо улыбнулась.

— Тим, да ну, — к моим щекам прилил жар. — Зачем... при всех?

Все окончательно замолкли, будто тоже почувствовали, что вот-вот произойдет что-то неловкое, но никто, естественно, не собирался останавливать Тима или меня.

— А что такого? — Тимофей говорил спокойно, но его глаза блестели то ли от азарта, то ли от алкоголя. — Это же подарок. Или стесняешься?

— Конечно, стесняюсь, — я попыталась захлопнуть крышку, однако Тим мягко, но настойчиво перехватил мою руку.

— Да ладно тебе, — вмешался Макс, с усмешкой подаваясь вперед. — Мы же все взрослые. Покажи, интересно же, что там за сюрприз.

Глава 3. Вспышка

— Не надо, — практически прошептала я, не сводя глаз с Тима — чтобы он понял без слов, что это лишнее.

Но мой парень ничего не понял. Или не захотел понять.

— Не ломайся, Ника, — процедил он. — Это же красиво.

Сил сопротивляться не осталось. Я глубоко вдохнула, стараясь успокоить колотящееся сердце, сняла крышку и вытащила кружевной комплект. В развернутом виде он смотрелся еще провокативнее и пошлее.

— Ого! — воскликнул Витька. — Вот это подарок!

Макс расхохотался, хлопнул ладонью по колену.

— Обалдеть, Тимоха, ты прям знаток, — а потом добавил, хищно глядя на меня: — Ника, ты обязана это примерить. А то не считается.

Я замерла и уставилась на Тима.

— Хочу, чтобы ты его надела, — тихо проговорил он, но так, что слышали все.

Я опешила. Это не могло быть правдой. В комнате сразу стало тесно, а смех парней оборвался на полуслове.

— Прямо сейчас? — прохрипела я. В горле мгновенно пересохло, и я еле сдержалась, чтобы не закашляться.

— Ну, не тут, конечно, — Тим усмехнулся, показывая, что пошутил. — Потом. Для меня.

Он улыбнулся, и все засмеялись, как будто это действительно была просто шутка.

Мне же было не смешно. В глазах парней теперь таились любопытство и ожидание. Я не знала, куда смотреть — на Тима, коробку, кружево. Потом все-таки собралась, запихнула комплект обратно и накрыла это дело крышкой.

— Спасибо, — выдавила наконец.

— Да не за что, — Тим снова наполнил мой бокал. — Просто хотел, чтобы этот вечер ты запомнила.

Он подмигнул, чокнулся со мной и повернулся к друзьям:

— Ну что, пацаны, за именинницу!

Все подняли бокалы. Смех вернулся, разговоры снова потекли — но для меня все уже изменилось. Вроде ничего не случилось, но атмосфера праздника стала другой, и я постоянно чувствовала на себе чей-то взгляд — не то Макса, не то самого Тима.

В какой-то момент Витек с Ленкой исчезли на кухне и возвратились с коробкой. Внутри оказался покупной торт — какой, я даже не заметила, потому что не особо их любила.

— Как полагается, — Витька поставил угощение на стол.

— Кто меньше всех выпил, тот пусть и режет, — хохотнул Макс.

Но, к счастью, мне не пришлось резать торт — это взял на себя Тим. Он схватил нож и сделал несколько надрезов. Крем остался на лезвии, и Тим небрежно слизал его, не отрывая от меня глаз.

— Вот и все, — раздал он куски. — Праздник удался.

Парни одобрительно зашумели, налили себе еще. Макс включил музыку погромче.

Я сидела на краю дивана с куском торта и думала, как странно быстро может меняться настроение. Каких-то часа два-три назад все вроде шло неплохо. Теперь же хотелось одного — чтобы этот вечер просто закончился.

Тим подошел ко мне, поставил бокал рядом и нагнулся так близко, что я почувствовала запах алкоголя и курева.

— Ты чего такая? — спросил он негромко, чтобы никто из его друзей не услышал. — Сидишь как на похоронах.

Он обнял меня за талию и прижал к себе. Его ладонь легла на бедро, пальцы скользнули вниз по ноге и подцепили край юбки.

— Тим, — пробормотала я. — Ребята...

— Они уже никакие, особенно Ленка с Витьком, — отмахнулся он. — Макс, скажи, вы же спать скоро?

— Я никуда не тороплюсь, — хмыкнул Макс.

Тим не отреагировал. Его губы коснулись моего виска. От него пахло алкоголем, сигаретами и моим любимым парфюмом. Впрочем, сильно пьян он не был — только слегка навеселе.

— Пойдем, — шепнул он. — Примеришь подарок.

— Сейчас?

— А когда еще?

— Тим, может, в следующий раз? — попыталась я оттянуть момент. Сама не понимая, почему — ведь я планировала лишиться девственности, даже несмотря на неожиданных гостей.

Тим не слышал и не воспринимал отказа. Он не привык к слову «нет». В его взгляде было нетерпение, и он был готов стоять на своем до конца, это я знала по опыту.

— Нет, — твердо произнес он. — Я хочу сейчас. Пиздец как мечтаю увидеть тебя в нем.

Наверное, я должна была радоваться, что Тим так меня хочет, но стало почему-то не по себе.

Как раз заиграла новая песня — громкая, с глухим басом. Сердце будто отбивало ту же частоту.

Поднимаясь по лестнице, спиной я ощущала взгляды парней — тяжелые, осязаемые. И лишь на втором этаже позволила себе вдохнуть поглубже.

Когда мы дошли до спальни, Тим остановился, посмотрел на меня и подарил свою фирменную, почти мальчишескую улыбку — той, из-за которой я когда-то в него и влюбилась.

— Не волнуйся, тебе понравится.

Он обронил это с явным намеком — не только про костюм, но и про предстоящий секс. Я ничего не ответила — чуть улыбнулась, кивнула и шагнула внутрь.

В этой комнате обычно спали родители Тима, так что тут было обжито и вполне уютно. Это была мастер-спальня с туалетом и душем — повезло так повезло.

Тим открыл коробку, достал белье и сунул мне его в руки.

— Давай, — в голосе мелькнула властная нотка. — Примерь. Я подожду.

— Здесь?

Я обернулась на дверь спальни. Она была не заперта. Я знала, что сюда никто бы не зашел, но все же... К тому же я не могла заставить себя предстать перед Тимом обнаженной, да еще и в процессе переодевания.

— Можешь в ванной, — кивнул он. — Но не тяни.

Он красноречиво покосился на свой пенис, запакованный в джинсы, и погладил его — видимо, алкоголь повлиял на него больше, чем мне подумалось изначально.

Мне хотелось что-то сказать — напомнить, что он обещал, что все будет по любви, что я не готова так, второпях и под пьяный гогот с первого этажа. Но почему-то слова встали комом в горле, и я просто развернулась и пошла в ванную.

В зеркале я выглядела непривычно. Глаза блестели от вина, щеки горели, волосы спутались. На мгновение возникло желание закрыться изнутри и не выходить. Но отступить было уже поздно.

Из крана капала вода — ровно и размеренно. Этот звук почему-то раздражал до дрожи, и я плотнее закутила кран.

Я развернула комплект, рассмотрела его получше и ужаснулась: это был комбинезон из сетки и кружева, имитирующий корсет с чулками. К нему прилагались крохотные трусики.

Выглядело все это в высшей степени развратно, тем более для такой важной ночи. Как Тиму вообще в голову пришло подарить такое своей девушке на день рождения?

За дверью послышался его голос:

— Ну что там, Ник?

— Минуту.

Я неловко, как будто меня кто-то видит, сняла с себя юбку, водолазку, колготки и старое белье.

На моей фигуре комбинезон приобрел еще более вызывающий вид, чем сам по себе. Зеркало в ванной позволяло разглядеть только верх, но мне хватило и этого, чтобы осознать: я выгляжу как заправская шлюха.

Сетка обтянула тело и обнажила его сильнее, чем нагота. Я вгляделась в свое отражение — и не узнала его. Это была не я — чужая девчонка с блестящими глазами и дрожащими губами. Или нет — скорее, женщина, ведь только они носят такое.

Я вышла, держа руки на груди, словно это хоть как-то улучшало ситуацию. Тим сидел на кровати все еще в одежде, но при моем появлении вскочил.

— Охуеть, детка... — выдохнул он.

— Доволен? — я попыталась то ли съязвить, чтобы скрыть неловкость, то ли пошутить — мне и самой было непонятно.

В этот миг вспыхнул яркий свет. Это была фотовспышка.

От неожиданности я зажмурилась и даже как будто ослепла. Секунду я буквально ничего не видела — лишь белое марево.

А когда открыла глаза, увидела, что в проеме стоят друзья Тима, все трое — смеющиеся, с фотоаппаратом.

Глава 4. Бегство

Сперва мне показалось, что это иллюзия, пусть и страшная. Слишком уж сюрреалистично трое практически незнакомых мне парней смотрелись на пороге спальни, в которой я планировала подарить девственность Тиму — своему любимому.

Но нет — это все было реальностью, еще более жуткой, чем вообще можно было представить.

— Макс... ты чего? — пролепетала я, прикрываясь руками как получалось.

— Да ладно тебе, — усмехнулся он, не опуская камеру. — Расслабься, Ник, и попозировь. День рождения все-таки.

Витек захохотал громче всех, а Ленька добавил:

— Слу-у-ушай, а реально... круто! Тим, глянь!

Я обернулась к Тиму — он неподвижно замер у кровати, как будто не понимал, что делать. На его лице застыла полупьяная улыбка.

— Тим, скажи им, — прошептала я, не будучи уверенной в том, слышит он или нет. — Скажи, чтоб стерли.

Он поймал мой умоляющий взгляд и нерешительно пробормотал:

— Парни, хватит, может? Поприкалывались — и харэ.

Макс скривил губы:

— Да мы ж так, заглянули на огонек. Просто весело проводим время. Праздник, хули!

И взглянул на меня. Этот взгляд был неприятно цепкий. Гораздо более жесткий, чем там, внизу. Говорил он при этом все так твердо и спокойно. Лениво даже.

— Ну, именинница, не дуйся, — осклабился он. — Там все по красоте. Тим вон не жалуется. Потом полюбуемся все вместе.

— Сотри, — зачем-то повторила я, прекрасно осознавая всю бессмысленность этой просьбы. — Немедленно.

— Сотру, — кивнул Макс, не отводя взгляда. — Потом. Когда член сотрется смотреть.

Всеобщий гогот и мои щеки вспыхнули одинаково — словно кто-то подлил бензина в огонь.

Я на автомате подалась к двери, но на пути оказался покачивающийся Витек. Он был самым пьяным из всех — глаза блестели мутно, а губы растянулись в кривую ухмылку. Он то и дело хихикал без причины, якобы не осознавая, что происходит.

Рядом с ним торчал Ленька — почти такой же пьяный, с полуприкрытыми веками и глупым выражением лица, как будто вот-вот вырубится.

— Эй... Ниик... ты че, э-э, это... в туалет? Я тоже... ща... — еле выговорил Витек, а затем идиотски захихикал.

Тим шагнул вперед, но не ко мне — наоборот, ближе к своим друзьям.

— Пацаны, да все, ну... хватит, а?

— Да ла-а-адно, — протянул Ленька, махнув рукой. — Мы ж не... это... не порно снимаем. Просто... фото... на память.

Макс ухмыльнулся и шелкнул еще раз.

Я снова посмотрела на Тима. Он прирос все к тому же месту — видимо, окончательно решил не вмешиваться. Я была одна среди этих ублюдков, и некому было мне помочь.

— Да, это просто эстетичные снимки. Она же не против, да? — Макс повернулся ко мне. — Ты ж не против, Ника?

— Сотри, — это была то ли отвага, то ли истерика — и я сама не понимала. — Немедленно.

— Тихо-тихо, — прошипел Макс. — Мы просто хотели посмотреть, как подарок сидит. Чего сразу так нервничать?

Я вновь незаметно покосилась на Леньку и Витька. Дверь оставалась за их спинами, но в проеме появилась щель. Если бы они отошли хоть чуть-чуть...

— Да не дергайся, Ник, — проговорил Макс так ласково, что это звучало крайне угрожающе. — Серьезно, у тебя сейчас лицо интересное. Страх, злость, растерянность... очень живо. Фотогенично. Ты ж фотограф, должна чувствовать.

— Ты больной, — выдохнула я.

Я произнесла это не из-за моей смелости — скорее, неосознанно, словно по инерции. Если до этого я боялась фотоаппарата, теперь опасалась только его — Макса.

— Возможно, — хмыкнул он. — Но фотки — пушка, ты пиздец горячая, повезло этому придурку.

Он снова сделал кадр, а потом мазнул по мне глазами. Взгляд был тяжелый и влажный, еще более раздевающий меня, чем обычно.

Это была уже не дурацкая шутка. В комнате стало жарче. Воздух казался липкий и пропитанный алкоголем, потом и ожиданием.

Макс перехватил мой взгляд и вкрадчиво процедил:

— Хочешь, я сотру, если попросишь по-хорошему.

— В смысле?

Я почти сразу поняла, что он имеет в виду, — но отчаянно надеялась, что ошибаюсь. Макс хищно прищурился. Он все решил — и просто тянул удовольствие.

Витек хихикнул где-то сбоку, Ленька что-то буркнул. Они смеялись, а Макс — нет.

Тим молчал. Я видела, как он отвел взгляд, трусливо полагая, что если отвернуться, то и происходящее не существует.

— Ну... попроси, — проронил Макс чуть громче. В его голосе зазвучали чуть ли не издевательские нотки. — Умоляй меня, чтобы я стер эти фотографии. И я подумаю.

Вспышка снова резанула глаза. Макс не посмотрел на экран. Он уже не снимал — смотрел на меня: в упор, с какой-то животной тупой уверенностью, что я никуда не денусь.

И вдруг Ленька, пошатываясь, задел Витьку плечом — тот отшатнулся, выставив руку, чтобы удержаться. Неловко, с хриплым смешком, они оба сделали шаг в сторону от двери. Всего шаг, но этого оказалось достаточно.

Не думая, я резко рванула, со всей силы толкнув Витьку. Он не устоял — бухнулся на Леньку.

Не знаю, что там случилось дальше, ведь я чуть ли не кубарем скатывалась с лестницы.

Позади раздался удар и чей-то — я не разбираю, чей — выкрик:

— Стоять, сука!

Но я уже мчалась по первому этажу — спотыкаясь, цепляясь за стены, не отдавая себе отчета, куда именно бегу.

Музыка била по ушам глухим басом. Странно, но я заметила это только теперь — во время уродливой сцены в спальне, казалось, царил едкая тишина.

Я перескочила через раскиданные кроссовки и бутылки, ударила плечом о стену, споткнулась у порога.

Повезло — каким-то чудом входная дверь оказалась не заперта. Босиком, в одном этом чертовом комбинезоне, я выскочила на морозный воздух, не ощущая ни холода, ни боли. Ничего, кроме оглушающего осознания, что нужно бежать, чем бы это ни кончилось.

Все, что было секунду назад, чудилось сном — но слезы застилали глаза, а дыхание вырывалось хрипами, напоминая, что это не сон. Мир рассыпался на куски, но все это было неважно.

Позади звучали голоса и смех. Кто-то выкрикнул:

— Бля, она ж голая! Жопу отморозит!

Я не оглянулась. Было непонятно, гонятся за мной парни или просто вышли на крыльцо и ржут. Если бы догоняли — наверняка схватили бы, я не особо быстро бегала. Но я не рисковала проверять. Просто неслась к воротам, пока еще было можно.

— Да ну ее нахуй, сама вернется! — донеслось до меня издали.

Но я не поверила этим словам — и не замедлилась ни на секунду. Под ногами было мокро — то ли от дождя, то ли от снега. Кажется, он шел и сейчас.

Почему-то вдруг представился кадр: как я, в этом пошлом комбинезоне, мчусь к лесу. Эта мысль фотографа возникла так некстати и была такой нелепой, что я чуть не засмеялась — истерически, в пустоту.

Ночь была вязкая и темная, луна едва пробивалась сквозь облака. Свет от окна рассеялся, и не было видно практически ничего — только силуэты деревьев со всех сторон.

Как раз эти деревья и показались мне спасением. Я нырнула между ними, цепляясь за ветки как за поручни. Кожа на руках саднила, но я не обращала на это внимания. Земля под ногами ходила, будто живая — то мягкая, то твердая, то вовсе проваливалась. Ветки хлестали по лицу, волосы липли к вискам.

А потом я споткнулась и покатилась вниз — видать, как раз попался спуск. Ветви царапали спину, сетка и кружево рвались, но было плевать.

Я ударилась обо что-то крупное и влажное, остановилась. Темнота стала плотной — и я провалилась в нее.

Глава 5. Незнакомцы

Лежать было не холодно. Мокро и неприятно — да, но для ноября удивительно тепло.

Воздух был тяжелый, пах чем-то сырым и терпким. Спустя несколько секунд я вспомнила, как споткнулась, покатила по склону, а затем запнулась обо что-то большое, остановилась и потеряла сознание.

Может, я умерла?

Но запахи и ощущения были слишком знакомыми. Вряд ли на небе создали филиал нашей планеты — и уж точно не такой, где листья липнут к лицу, а в нос бьет аромат сырости и земли.

Когда я попыталась приподняться, под пальцами ощущалась не сухая подмороженная почва, как должно быть в это время года, а влажная и податливая.

Веки слипались, виски пульсировали. Голова гудела, будто меня кто-то хорошенько приложил. Я с трудом перевернулась на спину и долго смотрела в серое небо. Не темное: значит, я пролежала всю ночь и не замерзла? Становилось все чудесатее и чудесатее.

Затем попробовала сесть, опираясь на ладони, и тут же зашипела от боли — на левом запястье что-то горело. Я подняла руку и разглядела след, который появился на мне после хэллоуинского обряда. Он стал ярче и выглядел так, словно его выжгли на мне огнем.

— Что за хрень... — выдохнула я, потеряв запястье. Кожа не болела — но ритмично подрагивала.

Я огляделась. Лес был... не тот, по которому я бежала, спасаясь от Тима и его друзей. Я не могла бы объяснить, почему, ведь тот лес я видела во мраке — а значит, практически не видела.

Воспоминания о Тиме и этой ночи всплыли в памяти резко, разом — и на душе возникло такое острое чувство горечи, что я машинально прижала ладони к груди, чтобы унять эту боль. Не особо помогло.

Я опустила взгляд вниз — и внутри все оборвалось. Комбинезон остался на мне, но теперь он был разорван в нескольких местах. Кружево расползлось, сетка висела клочьями, почти ничего не прикрывая. Нужно было скорее выбираться отсюда, пока меня не обнаружили еще какие-нибудь отморозки.

Только вот куда идти — я не знала. Все-таки это был другой лес — или тот же, но изменившийся до неузнаваемости. Пахло здесь как-то иначе. Более насыщенно, что ли. Свет ложился рассеянным сиянием, в котором все вокруг немного колыхалось. Между стволами клубился густой туман, размывая границы реальности. Я стояла среди этого зыбкого мира и не понимала, жива ли вообще, или, может, сошла с ума.

Под ногами что-то тихо прошуршало. Все вокруг было немного неестественным, но не враждебным — просто чужим.

Этот лес будто дышал — медленно, лениво, с какой-то первобытной тяжестью. Казалось, стоит задержаться — он сам втянет тебя в себя, пропитает своими соками. Звучало безумно, но подобрать другие слова происходящему не удалось.

Я встала, держась за ствол ближайшего дерева. Оно было гладкое, сероватое, с прожилками, похожими на жилы под кожей. Когда я провела по нему пальцами, оно чуть дрогнуло и пошевелилось.

— Так... стоп, — пробормотала я. — Что это за...?

Однако воздух был чересчур осязаемым, чтобы оказаться фантазией сумасшедшего или сном. Я ощущала его на коже, чувствовала, как в волосы вплетается влажный туман.

Я сделала пару шагов вперед, стараясь не споткнуться о корни. Замерла и услышала какой-то звук, напоминающий еле различимое журчание воды. Я не помнила, чтобы поблизости от дома родителей Тима был ручей, но звук раздавался откуда-то слева.

Меня внезапно затошнило — то ли от быстрых движений, то ли голода, то ли от страха. Я прислонилась к дереву, учащенно дыша.

Слева что-то мелькнуло — тень, движение, неясный силуэт. Я обернулась, но никого не заметила. Молочный туман стелился по земле, скрывая под собой корни и следы.

Но звук повторился. Где-то впереди слышался хруст — кто-то шел по направлению ко мне.

Совсем некстати дало о себе знать запястье — отметина то ли зачесалась, то ли поменяла цвет. Жар от нее растекся вверх по руке, к плечу, потом к шее. Но думать об этом было некогда, ведь шаги становились все отчетливее.

Сначала я подумала, что это снова парни: Тим, Макс, Витек, Ленка. Но почти сразу поняла, что нет, не они. Эти шаги были уверенные, без торопливости, пьяного шатания или похмелья.

Две фигуры проступили из тумана почти одновременно — это были мужчины. Высокие, широкоплечие, одетые не по-нашему — не в куртки и джинсы. На них были темные плотные одежды. Их волосы были длинными, спутанными, блестели от влаги. Я не сразу различила лица, потому что туман цеплялся за них, не отпуская.

Незнакомцы остановились метрах в десяти. Я попятилась назад, готовая рвануть, если понадобится — не впервой. Однако ноги дрожали, да и в целом сил почти не было.

— Кто... кто вы? — просипела я.

Один из них усмехнулся, но не мне, а второму:

— А девочка любит поиграть. Нарядилась как шлюшка, строит из себя. Я люблю такие игры.

Ужас накрыл меня с головой, и я осознала, что не смогу ни убежать, ни крикнуть — голос сел, тело не слушалось.

В сознании вспыхнула сцена из последней ночи — вспышки камеры, пьяные голоса, смех. Кошмар повторялся. Захотелось проснуться, очнуться хоть где-нибудь, только не здесь.

Мне вдруг стало душно. По коже побежали мурашки, но уже не от ужаса. От чего-то другого: горячего, тянущего, жаждущего. Тело будто перепутало сигналы — вместо того чтобы сжаться, оно откликнулось странным жаром. В груди расплылось нечто похожее на ожидание, и именно от этого стало по-настоящему страшно.

Второй не улыбался. Лишь пристально и безэмоционально всматривался в мое лицо, отчего становилось все больше и больше не по себе.

Мужчины направились ко мне. Я на автомате отступила назад — и уперлась спиной в дерево.

В тот миг что-то кольнуло внутри — прежде я видела, как на меня так надвигаются тени. Так же упиралась спиной в ствол. Правда, не помнила, где и когда. Воспоминание маячило где-то совсем рядом, но как за мутным стеклом — никак не достать.

Тем временем незнакомцы очутились совсем рядом — и я наконец смогла их разглядеть, задрав голову.

Один вобрал в себя цвета земли: коричневые, глубокие травяные, тусклые; другой, напротив, светился изнутри — волосы переливались зеленым с медными отблесками, а глаза — янтарным пламенем.

Тот, что в коричневых тонах, шагнул вперед. Его взгляд упал на мое запястье.

— Да, это она, — произнес он.

— Что? — я машинально прикрыла руку другой. — О чем вы вообще...

Другой мужчина тоже приблизился.

— Ты наша, — прошипел он. — Зачем притворяешься, шалава?

Прозвучало очень непонятно — как будто бы я должна была их знать. Я даже не обратила внимание на пугающее оскорбление: настолько меня удивили его слова.

— В смысле — ваша? — я попыталась нырнуть вправо, но он схватил меня за запястье. Пальцы были горячие, обжигающие. След на руке полыхнул. Настоящим светом — коротко, ослепительно.

Я вскрикнула.

— Тише, — в голосе коричневого мужчины не было угрозы — его тон был ледяным и бесстрастным. — Она не играет, Фар. Она не помнит.

— Не может быть, Тан, — отрезал другой — видимо, его звали Фар. — Она чувствует. Смотри, как отзывается. Сейчас проверим ее дырочку — наверняка течет как ебливая сука.

Стоило ему произнести это — и меня словно обдало изнутри. Страх окончательно превратился в невероятный жар, жар — в дрожь, а дрожь не уходила, только росла.

— Я не понимаю, что происходит! — выкрикнула я. — Кто вы вообще такие?!

— Тан и Фар, — спокойно ответил первый. — Мы твои мужья.

На секунду мне показалось, что я ослышалась. Мужья? Что за бред?

— Догадываешься, что это значит? — похабно подмигнул второй.

И что-то мне подсказывало, что ничего хорошего это не означало.

Глава 6. Граница

— Не догадываюсь... — пролепетала я.

В голове на миг вспыхнуло воспоминание о прослушанном недавно тру-крайм-подкасте. Жертва там вела диалоги со злодеем — и это немного облегчило ей жизнь. Вот теперь и я попыталась сделать то же самое, почти не осознавая, зачем. Наверное, потому, что разговор — единственное, что мне оставалось.

— Ну что, Тан, напомним ей, кто мы? — осклабился Фар, взглянул на своего товарища и плотоядно облизнулся.

Судя по взглядам и коротким фразам, Тан был здесь главным. Его молчание весило больше болтовни Фара. Я надеялась, что он проявит если не милосердие, то хотя бы адекватность. Но этого не случилось.

— Валяй, — равнодушно махнул он рукой. — Работы с ней все равно непочатый край. Чем раньше начнем, тем лучше.

— Повернись к нам спиной, положи ладони на ствол и наклонись, шлюха, — прорычал Фар.

Я не могла поверить, что это происходит со мной — не в чьем-то жутком тру-крайме, а здесь и сейчас, среди этого дышащего странного леса. Внутри все сжалось от животного ужаса, от понимания, что никакие беседы не помогут.

Фар отпустил запястье так резко, что я чуть не упала. Кожа под его пальцами все еще пульсировала, будто скрытый под ней жар не желал угасать.

— Ну, вставай, или тебе помочь? — рявкнул он.

Я не видела иного выхода, кроме как подчиниться. Тело двигалось само: слова Фара проникли под кожу и осели там как яд, отзываясь неясным жаром.

Я развернулась, оперлась ладонями о ствол дерева и нагнулась, прекрасно представляя, какая картина открылась этим... варварам. Откуда-то изнутри пришло это слово, и оно как нельзя лучше характеризовало незнакомцев — диких, чужих, подчиняющихся каким-то собственным законам.

Однако постыдная поза не только смущала — но еще и волновала, будоражила. Стыд сжигал меня изнутри, но вместе с ним росли и множились другие ощущения — словно кто-то включил ток, пульсирующий вниз живота.

— Знакомый вид! Однако на этот раз ты постаралась — такого блядского комбинезона я на тебе в тот раз не видел, — пылко выдохнул зеленоволосый.

Я поняла, что дела обстоят еще хуже, чем мне показалось с самого начала.

— Нагнись ниже и расставь ноги, — подал голос коричневый незнакомец... как его там — Тан?

В отличие от Фара, он не сочился похотью и желанием, бросая фразы с равнодушием и холодной уверенностью человека — человека ли? — привыкшего, что ему подчиняются. В его голосе не было ни тени возбуждения — лишь власть, спокойная и пугающая. Этот Тан был не менее опасен, чем Фар — просто по-другому.

Прогнувшись, я ощутила прикосновение к своей промежности. Судя по нетерпеливым движениям, это был Фар. Он сдвинул набок узкую полоску ткани и двумя пальцами провел по моим нижним губам.

Они были влажные. Если бы я могла стореть заживо от охватившего меня стыда — клянусь, я бы сделала это. Казалось, меня вывернули наизнанку и выставили напоказ. Все во мне кричало, что это неправильно, чудовищно, но тело не слушалось, застыв в унижительной, беспомощной, позорной позе. И нереально возбуждающей — как меня, так и этих варваров.

— Эта подстилка мокрая как последняя блядь, — прошипел Фар. — Ее шелка так и просят наших хуев.

— Все будет, — уничтожил Тан мои надежды. — Но надо выполнить все по правилам.

Фар напоследок еще раз погладил мою киску, чуть сильнее нажав, и я непроизвольно застонала и выгнулась. Он убрал руку и заржал:

— О да, эта мокрошелка еще сама будет умолять нас, чтобы мы ее оттрахали!

Я все еще стояла в указанной позе, смотря в землю и гадая, что делать дальше, пока не раздался голос Тана:

— Пора вести ее в дом. Там и вспомнит... не только телом, — завершающие слова он добавил с легкой иронией.

— Я никуда с вами не пойду! — выпрямилась я.

Повернулась к мужчинам, ощущая спиной шершавую кору. Это касание вселяло каплю уверенности — несмотря на нелепый комбинезон, выставляющий все мои прелести напоказ.

Было глупо сопротивляться после всего, что я уже позволила, но слова вылетели изо рта сами, сложившись во фразу откуда-то из остатков воли — из той крошечной части меня, что еще не сдалась.

— Пойдешь, — сухо вымолвил Тан. — Иначе... — он выдержал паузу, и я не хотела знать, что последует.

Так что я опустила глаза, стиснула зубы и кивнула. Фар довольно хмыкнул, схватил меня за локоть и потянул за собой. Я решила не вырываться и дойти туда, куда вели эти безумцы, почему-то считающие себя моими мужьями. А потом — посмотрим.

Тан зашагал впереди, не оглядываясь. Он не был похож на человека, которому вообще нужна жена. Или на того, кто способен на искреннюю привязанность.

Фар шел рядом, иногда зыркая на меня — я видела это боковым зрением. Иногда он принохивался.

— Она пахнет иначе, — обронил Фар в спину Тана, когда мы почти достигли реки. Я не ошиблась — это был именно тот звук.

— Прошло много времени, — ровно ответил Тан.

— Слишком много, — буркнул тот. — Метка потускнела.

Я хотела спросить, что за метка, но предпочла не рисковать.

Лес вдруг раздвинулся. Впереди мелькнула серебристая гладь. Туман над ней был гуще, чем везде. Поверхность не отражала ничего — она была мертвой и пустой. Или это туман скрыл все, что можно.

Тан вдруг развернулся, шагнул ближе, взял меня за руку и посмотрел на запястье. Свет там погас окончательно, но под кожей еще чувствовалось слабое тепло.

— Придется ждать, — отчеканил он. — Пока не вспомнит.

Он отпустил меня, но не отводил взгляд от запястья еще несколько секунд.

— За мной, — бросил он. Затем устремился прямо в туман, стелющийся над рекой, — и пропал из зоны видимости.

От неожиданности я вскрикнула, но Фар подтолкнул меня в спину.

— Шевелись, шалава.

— Но там же вода, я не умею плавать! — идти куда-то с этими варварами было страшно, но умереть вот так мне тоже не улыбалось.

— Не бойся, не утонешь, — усмехнулся Фар. — В этот раз.

Я двинулась вперед, раз выбора у меня не было. Возможно, здесь было неглубоко, и вода была по щиколотку — сложно сказать, Тана уже не было видно.

Туман обвился вокруг ног — холодный, липкий, но не мокрый. И когда я сделала еще шаг, земля снова стала твердой. Только послышался едва слышный всплеск.

Я оглянулась — позади не было реки. Исключительно густой туман, отсекающий путь обратно. Будто той водной глади никогда и не существовало. И небо, кажется, тоже исчезло. Лишь сейчас я обнаружила, что свет шел ниоткуда и отовсюду — без солнца и теней. Линии кривились — пространство было таким же зыбким, как и по ту сторону.

Чуть поодаль высился дом — между корней гигантского дерева, чья крона терялась в небе. Строение было сплетено из ветвей и камня, виднелись неровные окна.

— Что это за место? — выдавила я.

Если в лесу еще был призрачный шанс выбраться, убежать, наткнуться на кого-нибудь, то в этой забытой богом хижине меня ждали одни мучения.

Фар ухмыльнулся, заметив, как я озираюсь.

— Это место, киска, где тебе придется научиться слушаться.

— Граница, — проговорил Тан. — За рекой ты принадлежишь нам.

Он подошел ближе, вновь взял мою руку — ту самую, где находилась непонятная отметина, — и сжал запястье. След зажегся изнутри тусклым светом, и я невольно охнула: жар прошел прямо под кожей. На мгновение перед глазами промелькнули какие-то образы — лица, тени, огонь. Но я не могла на них сосредоточиться, потому что Тан все еще держал мою руку.

— Это чтобы ты не сбежала, — произнес Тан, не отпуская. — Лес тебя не выпустит. А если попробуешь — метка выжжет изнутри.

Фар хрипло рассмеялся и распахнул дверь этой хибары.

— Добро пожаловать домой, сучка.

Глава 7. Переход

Воздух внутри дома — или, скорее, хижины — был другим. Клубящийся снаружи туман исчез. Пахло древесиной, влажной землей и какими-то благовониями — Вика любила зажигать такие.

Вспомнив подругу, я на секунду испытала укол в груди, но тут же вернулась в пугающую действительность.

Света в хижине почти не было, и все же я видела достаточно, чтобы различить, как стены шевелятся — не от ветра, а сами по себе. У меня возникло ощущение, что я очутилась в теле живого существа.

Пол под ногой отозвался мягкими толчками. Не скрипнул, а именно отозвался, как если бы я наступила на огромное сердце. На миг мне стало дурно — захотелось развернуться и выбежать обратно в туман, но за спиной стоял Фар: я чувствовала его горячее дыхание.

— Проходи, наш маленький напуганный сученыш, — с издевкой протянул он и погладил меня по ягодицам, отчего я вздрогнула. — Дом у нас гостеприимный. Если умеешь слушаться.

Глаза постепенно привыкали к полумраку. Строение было сплетено из корней и камня, но не грубо, а естественно — будто дом не строили, а он вырос сам по себе. Вдоль стен пробегали тонкие жилки света, похожие на застрявших под корой светлячков. Они пульсировали, отливая янтарным и золотым.

Посреди комнаты располагалась каменная чаша, из которой поднималось синеватое пламя — тихое, ровное, без дыма. Оттуда исходило обволакивающее тепло: в нем манило стоять, но в то же время отступить подальше.

— Это... — я запнулась, не зная, как спросить, чтобы не звучать глупо. Хотя не все равно ли было. — Это живое?

— Живое, — откликнулся Тан. Он находился ближе к очагу — неподвижный, как статуя, и синее свечение отражалось в его глазах. — Лес не любит мертвое. Все, что существует по эту сторону, дышит.

Пламя двигалось иначе, чем обычный огонь: не вверх, а внутрь себя. Тан протянул ладонь к чаше, не касаясь пламени. Огонь сразу изменился — стал плотнее, темнее, приобрел металлический отлив.

— Оно слушает, — хладнокровно проговорил Тан. — Чует силу.

Фар хмыкнул где-то у меня за спиной и шагнул ближе. Его движение нарушило тишину, заставив огонь дрогнуть и вспыхнуть ярче. Языки потянулись к нему, осветив сумрак колеблющимся светом.

— Ему нравятся те, кто горит, — пробормотал Фар, глядя не на огонь, а на меня. Его голос стал низким и рычащим.

Пламя откликнулось, подтверждая его слова. Голубой цвет сменился на фиолетовый, и воздух стал тяжелее, жарче. Тело ответило мгновенно — в животе разгорелось знакомое тепло, а по коже побежали мурашки.

Я попятилась, но спиной вновь уперлась в грудь Фара — он был чересчур близко. Сердце забилось сильнее, но не только от страха.

— Не бойся, киска, — прошептал он, склоняясь к самому уху. — Ты все-таки наша жена, так что дом тебя примет.

Отношение ко мне жилища этих варваров беспокоило меня меньше всего, но я не стала ничего говорить.

— Повернись вправо, — скомандовал Тан.

Я послушалась. Стоило мне повернуться — и сплетение корней стены в этой стороне вдруг зашевелилось. Сухие и толстые, они степенно расползлись, открывая проход.

— Иди туда, — коротко бросил Тан.

Щель вела в другое помещение. Свет в этом месте был золотистым, похожим на проходящие сквозь листву солнечные лучи. Но солнца здесь не было — освещение также исходило от жилок, пронизывающих изредка покрытые мхом стены.

Посреди пространства раскинулось нечто вроде ложа — округлого, обрамленного переплетенными корнями. Внутри, кажется, лежал мягкий и влажный мох.

Я остановилась на пороге.

— Заходи, чего встала, — насмешливо произнес Фар. — Или напрашиваешься на кое-что погорячее?

— Нам нужно уйти в лес, а ты пока побудь тут, — велел Тан, игнорируя пошлость Фара.

— Что это? — спросила я, поспешно входя. — Комната? Спальня?

— Не называй это спальней, — отрезал Тан, зайдя в помещение. — Здесь не просто спят. Здесь... привыкают.

— К чему?

Фар тоже уже прошел внутрь. На его лице царила усмешка.

— Тебе лучше знать.

Я отвела взгляд, не понимая, как реагировать на это.

— Так что, киска, расслабься, — продолжил Фар. — Скоро ты узнаешь, что значит быть нашей женой.

— Я вам не жена, — выдохнула я.

— Это решаешь не ты, — отчеканил Тан.

Он развернулся, не взглянув на меня больше, и пошел к выходу. Фар последовал за ним, лениво потянувшись.

Я оглянулась, но проход за спиной уже закрылся. Тан и Фар ушли, оставив меня одну. Корни сомкнулись медленно и без звука — так же, как и раздвинулись. В полутьме они слегка шевелились. Нигде не было видно выхода. Обманчиво дружелюбное пространство оказалось ловушкой.

Я сделала шаг, потом другой — осторожно, словно могла расстроить какой-то древний порядок. Шаги отзывались упругими толчками под ногами. Пол размеренно дышал, с каждым вдохом посылая в ступни легкое тревожное тепло.

Я опустила взгляд. Корни, из которых был соткан пол, не просто лежали — они двигались, перекатывались, сплетались в узоры, едва я проходила мимо. Я присела и провела по ним ладонью — они были бархатистыми. А еще живыми, как все и вокруг.

Мне хотелось сесть, но в то же время не улыбалось прикасаться к этому ложу, слишком оно напоминало пасть — мягкую, манящую, готовую принять.

Оставшись на полу, я обняла себя за плечи и прикрыла глаза. Перед мысленным взором замелькали картинки прошедших суток: дорога за город, импровизированная вечеринка, подарок, издевательства друзей Тима, побег... И вот я оказалась запертой в доме каких-то извращенцев-громил.

Отметина на запястье по-прежнему мерцала, но очень слабо. Видимо, этот след варвары и называли меткой.

У реки Тан сказал, что метка не даст мне убежать. То ли угрожал, то ли говорил правду. Проверить можно было лишь одним способом.

Сидеть и ждать, пока Фар и Тан решат, что со мной делать, было невыносимо. Они почему-то считали меня своей женой. А я даже не знала, кто они такие и что это за место.

Может, я вообще умерла, и это все было какой-то извращенной версией ада. Если и так, то странной, судя по реакции моего тела на варваров.

Получается, уходить необходимо было сейчас, пока эти сумасшедшие не вернулись. Во мне боролись два чувства — первобытный страх и то самое влечение, от которого я не могла

избавиться с того момента, как Тан и Фар коснулись меня. Оно сбивало с толку, заставляло сомневаться в себе, в реальности, во всем.

Но разум требовал одного: бежать. Пусть метка сожжет — только не оставаться здесь.

Костюм из секс-шопа висел на мне клочьями, и явно был не лучшим нарядом для побега, но поиски подходящей одежды в этой хибаре заняли бы время — я не могла себе этого позволить.

Я подошла к тому месту, где переплетенные ветви образовали стену, и дотронулась рукой. Корни затрепетали, будто решая, выпустить или нет.

Я снова прикоснулась — на этот раз сильнее. Теперь корни послушно разошлись, открывая узкий проход. За ним предстало совсем не то пространство, из которого привели меня Фар и Тан. Впереди темнел коридор, уходящий куда-то вниз, в сторону тумана.

Я двинулась вперед, и метка на запястье дрогнула. Не больно — скорее, это напомнило вибрацию телефона.

Но я все равно шагнула дальше.

Воздух в тоннеле был влажный, густой. Царила тьма. Я двигалась на ощупь, ладонью касаясь стен. Под пальцами жили дышащие корни.

Коридор кончился довольно быстро. Снаружи почему-то стояла ночь — неужели так скоро стемнело? Или время тут текло как-то иначе? Я уже ничего не понимала.

И вот я приблизилась к туману. Прямо из него исходил слабый свет — в его толще плавали крошечные частицы, отражавшие невидимое свечение. Мир вокруг был залит этим зыбким молочным сиянием. Все казалось немного нереальным.

Я помедлила. Туман шевелился у ног, тянулся выше. Ждал, когда я решусь. Сердце часто билось: в груди словно щелкал механизм, отсчитывая последние мгновения перед прыжком.

Я шагнула туда, где пелена была особенно плотной — как в прорезь между мирами. На секунду потеряла ориентацию, перестала различать, где вверх, где вниз.

Метка вспыхнула — жгуче, нестерпимо. Я вскрикнула и рухнула на землю.

Боль не просто резала — она уничтожала меня, прожигая нерв за нервом.

Я попыталась вырваться, подняться, но ноги не слушались. Перед глазами все плыло. Туман стал густым и черным. Я чувствовала, как он обволакивает, поднимается по телу, входит в легкие.

А затем все исчезло.

Глава 8. Возвращение

Холод был первым, что я почувствовала. Настоящий, пронзительный, словно кто-то сжал мое тело ледяными пальцами и не собирался отпускать.

При этом я не сразу поняла, где нахожусь, — просто лежала, пытаюсь вдохнуть, но воздух не хотел заходить в легкие. Каждый вдох резал изнутри, выходя наружу хрипом.

Я пошевелилась и тут же вскрикнула от боли в боку. Она была тупая, но живая — как напоминание, что я все еще существую. В голове тут же вспыхнули последние воспоминания: тоннель, черный туман, метка. Я потеряла сознание и очнулась... А где, кстати, я очнулась?

— Где я? — прохрипела я вслух, но, естественно, никто мне не ответил.

Только теперь я осознала, что лежу, опираясь обо что-то крупное. Привстала, присмотрелась — это оказался поваленный набок ствол дерева. Поверхность подо мной не была ровной — судя по всему, я находилась на склоне.

Поверхность возле реки была плоской. Значит, я не была там, куда утащили меня эти варвары.

Я вцепилась в мокрую землю и начала карабкаться вверх, не зная, куда выберусь. Каждый метр давался с трудом. Глина норовила вырваться из-под ладоней, колени скользили, пальцы сводило от холода. Но я продолжала тянуться, цепляясь за корни и камни — за все, за что можно было ухватиться.

— Не падай... Еще чуть-чуть... Еще... — шептала я себе, чтобы подбодрить — как ни странно, помогало.

Когда я добралась до вершины, все тело дрожало так, что я едва могла удержаться на ногах. Я выдохнула, опершись о ближайшее дерево. Взглянула на след на запястье, но в темноте ничего не было видно. Ощупала себя: на мне все еще бы этот проклятый комбинезон.

Где-то далеко был виден свет. Слабый и рассеянный, но все же лучше, чем полная тьма. Хорошо, что стояла ночь: если я все же очутилась в действительности — той, где не была ничьей женой — шансы наткнуться на кого-нибудь были малы.

Почва под ногами становилась тверже, деревья — реже. И вдруг я увидела знакомые забор с воротами. Это был дом родителей Тима — тот самый.

Я замерла, веря и не веря. Выходит, во время обморока мне приснился сон — страшный и до ужаса реальный. Провалилась там на земле неизвестно сколько. Оставалось надеяться, что хотя бы ничего себе не отморозила.

Я всмотрелась в окна. На втором этаже свет едва пробивался сквозь тюль. Было непонятно, спят ли те, кто внутри, или же забыли выключить освещение.

Возвращаться хотелось меньше всего. Но отправляться куда-то в ноябре в клочьях от комбинезона я тоже не могла.

Воровато заглянув в щель между воротами, я никого не обнаружила. На крыльце никто не курил, дверь была закрыта. Другого способа проникнуть внутрь я не знала, и единственной надеждой было то, что парни не защелкнули замок.

Как можно бесшумнее я нажала ручку, затем чуть приоткрыла дверь — получилось. В этом доме, кажется, вообще никогда не запирали двери.

Из гостиной все так же доносился глухой бит, однако его сделали тише. В любом случае, мое собственное сердце барабанило так, что перекрывало все остальные звуки.

Голосов парней не было слышно. Все еще было неясно, спят они, молча сидят внизу или отдыхают на втором, не подозревая, что я вернулась. В гостиной горело оранжевым — видимо, не погасили гирлянду, как и свет наверху.

На вешалке у входа висело мое пальто, рядом лежала сумка — повезло, что я не взяла ее наверх, и за весь вечер даже ни разу не заглянула в телефон. Все располагалось на своих местах, будто я вышла на минуту. Будто не было ни леса, ни Тана, ни Фара.

Водолазка, юбка и белье остались наверху, но было абсолютно плевать. Я схватила свои вещи, взглядом поискала ботинки, но не нашла — темнота не позволяла разглядеть детали, да и обуви было много. Босиком, с пальто и сумкой в руках, я скользнула за дверь и, тяжело дыша, понеслась обратно к воротам.

Не остановилась я и на дороге к выходу из товарищества. Просто мчалась что есть силы, вновь не чувствуя холода и боли — ничего, кроме отчаянного желания оказаться как можно дальше от этого дома. Бежала, пока дыхание не превратилось в кашель.

И только неподалеку от въезда в СНТ я надела пальто прямо на разорванный комбинезон. Судорожно застегивая пуговицы, заметила, как дрожат руки.

Я достала телефон — получалось, что сейчас было десять часов вечера. Я неверяще уставилась в экран, поморгала, силясь понять. Прошло около пяти часов с тех пор, как я приехала с Тимом в дом его родителей. А казалось, целая жизнь.

— Что за бред... — пробормотала я, все так же вглядываясь в дисплей. — Что это вообще было?

Ответа, конечно, не последовало.

Я зашла в приложение и вызвала такси. Указала адрес Вики — ехать домой и заканчивать вечер в одиночестве совсем не улыбалось. Машина нашлась не сразу. Судя по указанному, мне предстояло подождать полчаса. Я спряталась за сторожкой — в здании уже никого не было. Но за это время на дороге никто так и не появился.

Когда из полутьмы вынырнули фары, сердце подпрыгнуло — я уже и забыла, зачем торчу на холоде. Сравнила номер: это был мой автомобиль.

Я забралась на заднее сиденье и едва не расплакалась от тепла. Обычная машина показалась мне частью какой-то прошлой жизни — той, что была у меня до сегодняшней поездки. К счастью, водитель не заметил, что я босиком, и не стал задавать вопросов — только деловито уточнил адрес.

Такси тронулось. За стеклом замелькали деревья — переплетающиеся ветви, провалы между ними. Я не могла отвести взгляд: лес тянулся вдоль дороги, и представлялось, что он движется вместе с нами. Он напоминал и мой побег от друзей Тима, и путь до хижины Фара и Тана. Я смотрела на этот черный след и сходила с ума — если еще не сошла.

Я закрыла глаза, но стоило опустить веки, как где-то в районе сердца вспыхнуло что-то горячее. То ли боль от поступка и поведения Тима, то ли ужас от пережитого в компании тех извращенцев. Я уже ничего не понимала. Не хотела больше видеть, не хотела думать. Лишь бы доехать, добраться, вырваться в безопасное место.

— Я включу радио? — выдернул меня из оцепенения голос водителя.

— Да, конечно, — просипела я, а затем прокашлялась.

Не хватало еще заболеть после такого марафона. Хотя пролежать в кровати вечность, ни о чем не заботясь, я как раз была не против.

Водитель настроил радио. Из динамиков раздалась простая попсовая песня о любви. Незамысловатая, но от нее стало еще хуже.

Когда машина въехала в город, я позволила себе откинуться на спинку. Мир снова сделался ровным, прямым, без причудливых изгибов. Дорога была гладкая, навстречу проезжали автомобили. Я снова была среди людей.

Когда такси остановилось, я несколько секунд сидела, не в силах пошевелиться. Фары резали ночную темноту, дождь снова моросил мелкой пылью.

Я зашагала к подъезду. Код от домофона был мне знаком, так что ждать не пришлось. Вика жила в пятиэтажке на втором — ее этаж наступил слишком быстро, чтобы я успела продумать, что скажу.

Я нажала на кнопку звонка. Довольно скоро дверь открылась, и на пороге показалась Вика в домашней одежде — видать, еще не ложилась. Пару секунд она смотрела на меня, не веря глазам. Хотя наверняка убедилась в том, кто пришел, глядя в глазок.

— Ника? — наконец воскликнула подруга. — А ты же с Тимом...?

Я попыталась улыбнуться в ответ, но вопреки воле мои губы скривились, и я разрыдалась.

Глава 9. Подруга

— Ник, ты чего... — забормотала Вика. — Ника...

Ринулась ко мне, затащила в квартиру, захлопнула дверь.

— Тим, что он...? Он... с тобой что-то сделал? — аккуратно выговорила Вика.

Даже сквозь всхлипывания я поняла, как напугала ее своими слезами, и что за эти секунды она успела вообразить самое страшное.

— Нет, ничего такого, — выдавила я. — Но... — новый поток рыданий помешал мне выдать хоть что-то вразумительное.

Вика начала расстегивать на мне пальто, и тут ее взгляд упал на мои ноги.

— Ты босиком?! Где твоя обувь?

— Осталась... в доме... — всхлипнула я.

Земля на ногах подсохла и осыпалась прямо на коврик у двери, пальцы онемели, волосы слиплись, лицо стянуло от холода. Мне казалось, что если я попробую что-то объяснить, то задохнусь от слез.

— В каком доме?!

Подруга продолжила расстегивать пуговицы — и ее взору предстал мой разорванный комбинезон.

— Блядь, а это еще что такое?! Ника, что произошло, ты расскажешь уже?! Этот уебок с тобой что-то сделал?! Что это за синяки?!

— Нет, ничего, правда, — просипела я. — Можно... я потом? Просто... сейчас не могу. Мне надо... помыться. И лечь.

Вика пристально уставилась на меня — наверняка пыталась сообразить, насколько все плохо. И, видимо, приняла какое-то решение.

— Иди в ванну, — сказала она. — Я принесу полотенце и что-нибудь из одежды.

— Спасибо, — выдохнула я.

— Ты... как вообще? — спросила она, уже направляясь к шкафу

Я замерла, глядя ей в спину.

— Не очень, — это было честно.

Вика достала с полки большое полотенце и накинула его мне на плечи.

— Одежду положу под дверь, — произнесла она. — Найду что-нибудь. Тебе повезло — я полчаса назад вернулась домой.

Я кивнула. На губах появилась какая-то кривая тень улыбки — неловкая, но благодарная.

— Спасибо...

Она отмахнулась.

— Иди уже мыться. Ты вся в земле. Я не могу на тебя такую смотреть.

Пол под босыми ногами был теплым, свет в коридоре мягким, в квартире привычно пахло благовониями. Все казалось слишком нормальным для того, что происходило со мной. Как будто я возвратилась не из ночного кошмара, а после неудачного свидания. Мир не обязан был сочувствовать, он жил дальше.

И все равно внутри оставалось ощущение, что где-то за спиной находятся то ли друзья Тима, то ли Тан и Фар, то ли вообще лес — темный и живой.

Вика закрыла за мной дверь ванной. Я начала стягивать с себя остатки подарка Тима, избегая зеркала — ничего хорошего я бы там не увидела.

Несмотря на то, что от одеяния остались лишь ошметки, избавиться от него получилось не сразу, он намертво облепил тело. Меня это почему-то рассмешило — правда, смех вышел нервным и истеричным.

— Ты что-то сказала? — поинтересовалась Вика через дверь.

— Нет, это я так...

— Ладно, я оставила одежду под дверью, — ответила подруга.

— Спасибо, — в который раз повторила я.

— Если хочешь чай — скажи, я поставлю.

— Поставь, пожалуйста.

— Будет готов, когда выйдешь.

Ее шаги отдалились. Я наконец встала, включила воду, залезла под душ. Вода стекала по телу, слой за слоем смывая все, что со мной случилось. Но все равно я ощущала себя так мерзко, что не передать словами.

Намывшись до скрипа, я стояла, пока пар не заполнил все вокруг, и только тогда почувствовала, как возвращается тепло.

Я завернулась в полотенце, приоткрыла дверь, подняла с пола одежду — футболку и леггинсы.

Надев все это, посмотрела в зеркало. Не так ужасно, как я ожидала. Я выглядела так же, как и обычно — но была теперь совсем другим человеком.

Когда я выползла из ванной, Вика уже ждала. Она сидела на кухне с кружкой в руках. На столе стояли тарелка с печеньем и еще одна кружка — моя.

— Садись и пей, — скомандовала подруга.

Я подошла и послушно села. Чай был обжигающим, но здорово возвращал в реальность, так что я не стала его разбавлять.

— Не спрашивай, ладно? — выпалила я, пока Вика не начала очередные расспросы. — Давай завтра. Со мной все в порядке — физически.

— Не буду. Главное, что ты живая, и с тобой... все в порядке.

Я опустила взгляд в чай. Горячий пар щекотал лицо, и это было даже приятно.

Я допила и почти не помнила, как дошла до дивана. Вика постелила мне, оставила торшер включенным.

— Если что, я рядом.

Я хотела снова поблагодарить ее, но в глазах защипало, и я просто кивнула, чувствуя, как тяжелеют веки.

Но, несмотря на мою истощенность, сон пришел не сразу — я проваливалась в него рывками, то открывая глаза, то забываясь на секунды. Иногда чудилось, что кто-то стоит рядом, и я поднимала голову как змея, ловя воздух ртом. Но никого не было.

Под утро меня отпустило. Сон не обещал облегчения — только паузу между вспышками воспоминаний.

...Когда я проснулась, дневной серый свет уже заливал комнату. Хорошо, что было воскресенье, еще и праздники, и не нужно было идти в универ. Съемок на эти дни я тоже не назначала — освободила выходные под празднование двадцатилетия. Кто же знал...

Я долго не двигалась, вслушиваясь в звуки квартиры. Гремела посуда, хлопала дверца холодильника — я лежала в кухне-гостиной, и соблюдать тишину у Вики не получилось.

Я села и тут же ощутила ноющую боль в теле. Каждая мышца отзывалась — последствия бега, холода, падений.

— Проснулась? — Вика над чем-то колдовала у стола и не оглянулась.

— Ага, — прохрипела я. — Сейчас.

— Я приготовила завтрак, соня. Можешь сначала позавтракать, потом принять душ, если хочешь. У меня даже нашлась для тебя новая зубная щетка.

Все это звучало как-то неправдоподобно заботливо после ночи, где не было ничего доброго.

Пока я чистила зубы, Вика налила кофе в две кружки и разложила по тарелкам бутерброды.

— Садись, — велела она. — Я думала, тебя не разбудить вообще. Ты видела время?

— Лучше и не знать, — откликнулась я.

— Не удивительно, — подруга преувеличенно уделяла внимание бутерброду. — После таких приключений. А каких, кстати? Созрела рассказать?

Я уткнулась в кружку, не зная, с чего начать.

— Тим заехал за тобой, — решила помочь мне Вика. — И что дальше?

— Сначала все было нормально, — начала я, стараясь говорить спокойно. — Помнишь, он писал, что задумал сюрприз, что хочет отвезти меня куда-то.

Вика фыркнула, но промолчала — продолжила жевать, словно боялась всплыть раньше времени.

— Мы приехали за город в дом его родителей — помнишь, я там была один раз, — я глотнула кофе.

— Короче, особо тратиться в его планы не входило, — процедила Вика, подперев подбородок рукой.

Я недовольно зыркнула на нее.

— Все-все, слушаю, — капитулировала подруга.

— В доме оказались трое его друзей...

— В смысле?! — Вика воскликнула это так громко, что я аж вздрогнула. — Он позвал на твой день рождения своих друзей? И ты согласилась?

— Он не предупредил.

— Бля...

— Ага... Я их не знала, Тим познакомил меня с ними.

— Подожди, я не поняла. То есть, вы приехали туда часов в пять, и там уже были друзья Тима? — уточнила подруга.

— Ну да.

— Они что, все безработные? Так-то эта суббота — рабочий день.

— Не знаю... — растерялась я.

— Ну, у твоего Тимофея, — его имя подруга выговорила с отвращением, — свободный график, я в курсе. А кем работают его друзья, кто они?

— Я не знаю, — пожала плечами я.

— То есть, ты вообще ничего не узнала об этих парнях?

— Типа того.

— Сомнительно, но окей, — протянула Вика. — Ну, и что потом?

— Потом... — я пыталась подобрать слова. — Было что-то вроде вечеринки. Мы пили, ели. Было ничего. Тим подарил мне подарок...

— О, да неужели. И какой же?

— Костюм из секс-шопа. Прямо при друзьях. Они еще шутили, что надо его примерить...

— Уроды.

— Попозже Тим позвал меня наверх... — я замолчала, но без самых главных деталей рассказ получался бессмысленным. — И попросил надеть подаренный костюм — ну, ты его видела... Точнее, то, что осталось...

— Что-то мне это не нравится, — нахмурилась Вика. — И? Все из тебя клещами вытягивать.

Я доела первый бутерброд, собираясь с духом.

— Когда я вышла в спальню из ванной в этом комбинезоне, в комнату вошли его друзья. С фотиком.

— Блядь, что?!

— Один снимал, двое смеялись. Тим даже не попытался их выгнать. Стоял и смотрел.

— Бля... У меня нет слов, прости.

— Мне удалось вырваться — двое были пьяными. Я убежала в лес прямо в костюме и босиком. А потом потеряла сознание.

— Как это? Почему?

— Запнулась, покатила по какому-то склону. Очнулась и вернулась к дому, смогла забрать вещи — пальто и сумку. Мои ботинки и одежда остались там.

— Они тебя не заметили?

— Внутри горел свет, музыка играла, но я никого не видела. Может, они были наверху, не знаю.

Вика сидела молча, глядя куда-то в стол. Затем зло взглянула на меня:

— Надо разобраться с этим. Знаешь, у моего ухажера — ну, помнишь, Никита, с которым я замутила, есть знакомые...

— Не надо, — пробормотала я. — Я хочу, чтобы все это закончилось.

— Но это же пиздец, Ника.

— Я знаю, — тихо проговорила я. — Но я бы хотела забыть о Тиме и этом вечере.

По лицу подруги было видно: молчать ей стоило огромных усилий.

— Хорошо, — вздохнула она. — Но не вздумай прощать его.

— Да вряд ли он будет просить прощения, — нашла в себе силы усмехнуться я.

Вика взяла кружку, сделала последний, судя по всему, глоток и добавила, не глядя на меня:

— Я ведь всегда говорила, что он придурок. А ты не верила.

Мне нечего было сказать. Я пила кофе. Он был крепкий и горький — вкус, возвращающий к жизни лучше любого душа.

Телефон на столе вдруг мигнул: экран вспыхнул именем Тима. Я посмотрела на него, не притрагиваясь. Звонок завершился. Пришло сообщение, следом еще одно. Я смахнула их, не читая — и тут поняла, что вообще не проверяла соцсети, смс и звонки после того, как прибыла в загородный дом. Надо было бы позвонить родителям.

— Тим?

— Да.

— И что пишет тебе этот долбоеб? — довольно агрессивно спросила Вика.

— Не знаю, — пожала я плечами. — И знать не хочу.

— Правильно, — рубанула Вика. — Забудь даже имя этого дебила. Все кончено. Хорошо, что вчера между вами ничего не было.

А я подумала о том, что поведала лишь половину правды — и вторая часть была не менее странной и пугающей, чем первая.

Глава 10. Разговор

В итоге я уехала от Вики во вторник вечером, когда уже сгустились сумерки. Домой отчаянно не хотелось. Вернувшись в город, Тим наверняка наведывался ко мне. Хорошо, что хотя бы адрес подруги был ему неизвестен.

В то, что он попросит прощения, не верилось — но подумала, что прояснить ситуацию мой парень наверняка захочет. Точнее, бывший парень: теперь даже сама идея быть с ним в отношениях вызывала у меня отвращение.

Конечно, во мне еще теплились чувства к Тиму. Все эти дни я то и дело ловила себя на том, что стараюсь оправдать его. Тим всего лишь напился, отморозки — только его друзья, он бы все равно встал на мою защиту — эти фразы вспыхивали и гасли сигаретными искрами.

Но всякий раз, когда я вспоминала их мерзкие лица и то, как Тим никого не остановил, — все оправдания рушились.

— Дороги пустые, повезло, — бросил таксист, не оборачиваясь. — Из города все свалили на праздники.

— Ага, — буркнула я, глядя в темные улицы за окном.

С каждой минутой приближения к дому мне становилось все тревожнее и тревожнее. У Вики я ощущала себя в безопасности, но сейчас это чувство напрочь улетучилось.

А еще эти растраты на такси, совершенно незапланированные. Особенно из садоводческого товарищества в город. Я совсем не рассчитывала на такие траты.

Сегодня я бы теоретически могла пройти пешком — Вика отдала мне свои старые ботинки. Но было очень страшно после случившегося.

Я попыталась посчитать деньги в голове, чтобы отвлечься. Сколько осталось на карте, хватит ли до конца месяца. Но цифры уплывали — вместо них всплывали фрагменты вечера, вспышки камеры, смех этих придурков.

Я достала телефон, чтобы проверить время — экран опять светился уведомлениями. Семь непрочитанных сообщений, два звонка. Я, как и прежде, не стала ничего читать и спрятала мобильник обратно в сумку.

Наконец таксист повернул направо — это был последний поворот к моему дому. Все мои внутренности, кажется, скукожились от ужаса. Проживала я одна — родители купили мне эту квартиру, когда я еще училась в школе, а сами все еще жили и работали в небольшом сибирском городке далеко отсюда.

Свет фар скользнул по родному фасаду. Вот и все. Машина остановилась, и я на мгновение не пошевелилась. Хотелось сидеть и смотреть в темное окно, где отражалось мое лицо — такое невозмутимое, будто ничего не случилось.

— Приехали, — напомнил водитель.

— Да, спасибо, — спохватилась я.

Деваться некуда — пришлось покинуть теплый салон. До ворот оставалось всего ничего, когда краем глаза я зацепила знакомую машину. Это был автомобиль Тима.

Сомнений не было — на мини-стоянке у дома было припарковано именно его авто, номер я знала наизусть. Внутренне я тут же оцепенела, затем повернулась, чтобы уйти — сама не понимая куда, лишь бы подальше отсюда.

Но не успела.

— Ника, — родной до боли голос Тима звучал непривычно ровно и сдержанно. — Не убегай. Я и так три дня задолбался тебя вызванивать.

Я обернулась — бежать было бессмысленно. Да и ботинки Вики были не сказать, чтобы удобные: она предпочитала каблуки, а я привыкла ходить на плоской подошве.

— Давай поговорим.

— О чем? — к горлу так некстати подступили слезы, и мне пришлось сделать пару вдохов, чтобы погасить желание разрыдаться здесь и сейчас.

— О нас, — спокойно сказал Тим, словно ничего особенного на этих выходных не произошло.

— О том, что ты наблюдал, как твои друзья надо мной издевались? Ты об этом? — наверняка по голосу было слышно, что я нахожусь на грани.

Тим помолчал, глядя куда-то в сторону.

— Ну... я тогда не соображал, — произнес он наконец. — Глупо вышло.

— Глупо? — переспросила я. — По-моему, ты очень мягко выразился об этой ситуации.

— Согласен, протупил, детка, — Тим шагнул по направлению ко мне, и я машинально попятилась. — Здесь же рядом есть кофейня, да? Помнишь, мы там были один раз? Пойдем туда, пообщаемся.

Я покачала головой.

— Я не вижу в этом смысла.

— Зато я вижу, — решительно заявил Тим.

Я не знала, что ответить. С одной стороны, тянуло развернуться и уйти. С другой — нас все-таки связывали полгода счастливых отношений. Может, в этом и был смысл — поговорить и достойно попрощаться.

— Ненадолго, — отчеканила я и сама удивилась, как строго у меня это вышло. — И если ты хотя бы попробуешь коснуться меня, я уйду.

Мы медленно двинулись к кофейне: каблучки не давали идти быстро. На машине Тим поехать не предложил: было недалеко, да я бы и не села к нему в авто после всего.

Улица была практически пуста. Я старалась держаться на расстоянии от Тима. Тот же шел как ни в чем не бывало. Если он и заметил, что я сторонюсь его, то вида не подал.

В кофейне, к счастью, никого не оказалось. Тим придержал дверь, но я не поблагодарила — молча прошла внутрь.

Мы заняли закуток, который находился вне зоны видимости бариста. Обычно я обожала подобные уединенные места, но сейчас мне было не по себе.

— Что будешь? — спросил Тим.

— Капучино, — коротко ответила я.

Тим сходил к стойке, сделал заказ и вернулся назад. Сел напротив меня, откинулся на спинку и пару секунд смотрел на меня. Я уставилась вбок, будто бы там было нечто чрезвычайно увлекательное.

— Я не хотел, чтобы все так получилось, — начал Тим, но я не дала ему договорить.

— А как ты хотел? Чтобы я притворялась, что все норм?

Он замялся.

— Я просто... — он забарабанил пальцами по столу. — Я думал, что это шутка. Что пацаны так прикалываются.

— Прикалываются? — повторила я, чувствуя, как на душе поднимается волна злости. — Снимать меня на видео, ржать и игнорировать, когда я прошу прекратить — это нормально, по-твоему?

Бариста принес кофе. Я обхватила чашку ладонями, но сердце все так же было заковано в ледяной капкан.

Тим залпом выпил свой эспрессо.

— Я потом пытался всех остановить, — проговорил он. — Когда ты убежала.

— Вовремя, не так ли? — холодно осведомилась я.

— Не начинай, — голос Тима стал тверже, но он по-прежнему не повышал тон. — Ну да, я виноват. Повел себя, как мудака. Но мне и так хреново.

— Серьезно? — я чуть усмехнулась, все удивляясь собственной дерзости. — Тебе хреново?

— А ты думаешь, ты одна тут страдаешь? Думаешь, я рад, что все это случилось? Я из-за тебя с парнями поругался, между прочим.

Я чуть истерично не расхохоталась — до чего нелепым показалось мне все, что выпалил Тим. А главное — что-то я не слышала спорящих голосов, когда забирала одежду. Но этого я говорить не стала.

— Из-за меня?

— Ну да, ты не уловила шутки. Это был прикол, ребята всего лишь не поняли, когда надо притормозить.

— А ты понял?

На несколько секунд воцарилась тишина. Было слышно, как бариста позвякивает посудой. Тим опустил глаза, а затем произнес:

— Я хочу все вернуть. Как там говорится... Мы можем начать заново.

Тим подался вперед, положив локти на стол. Я моргнула, не сразу сообразив, о чем он вообще.

— Заново? После этого?...

— Да. Все можно исправить. Я ведь тебя люблю, — он поднял взгляд, и у меня внутри все перевернулось. — И ты тоже меня любишь, да? Просто злишься.

— Тим, — выдохнула я. — После того, что вы сделали, никакого «вместе» быть не может.

— А что я сделал-то?! Это пацаны к нам завалились, а я ждал тебя, ты же видела. Ну, детка, мне тяжело без тебя.

— Тебе тяжело? Это ты тупо пялился, как твои друзья меня снимают. И теперь тебе тяжело?

— Хватит, — отрезал Тим. — Я правда собирался остановить их! Но упустил момент.

— Упустил момент? — я в очередной раз едва не рассмеялась. — Ты и не пытался.

Тим опять замолчал. Сжал руки в замок, долго сидел, глядя в стол. Затем заговорил:

— Я не хочу, чтобы все это всплыло. Ни тебе, ни мне это не нужно.

Я мгновенно напряглась, чувствуя подвох.

— Что ты имеешь в виду?

Тим выдержал новую паузу, во время которой я отпила капучино — он уже начал остывать. После поднял глаза. В них уже не было ни мягкости, ни сожаления.

— Эти фотки, где ты в блядском комбинезоне...

— Ты сам его выбирал, — эти слова вырвались у меня на автомате, а внутри все падало, разбивалось вдребезги.

— Да, я в курсе. Я просил парней удалить те фотографии, но стопудово они все сохранили.

Я изумленно уставилась на Тима, не веря в то, что услышала. Это не могло быть правдой.

А он продолжал:

— Поэтому я и хочу все забыть и исправить.

Кажется, Тим говорил что-то еще, но слова вдруг потеряли очертания. Его губы еще шевелились, но звуки уже не доходили. Я видела только движение, как в замедленной пленке. Воздух густел, становился вязким, и с каждой секундой я все меньше ощущала себя здесь. А затем наступила темнота.

Глава 11. Ложе

Это точно был сон. Не могла быть правдой та реальность, в которой я совершенно голая лежала в незнакомой комнате между двумя мужиками.

Но ощущения говорили о том, что это происходит на самом деле. Влажный сырой запах, неровные стены из сплетенных ветвей и корней, тончайшие нити света, грубая ткань покрывала изо льна... Все эти детали буквально кричали о том, что я снова угодила в какую-то безумную вселенную, где два варвара считают меня своей женой.

Да, именно Тан и Фар находились рядом со мной — тоже, кажется, обнаженные. У каждого из нас было свое одеяло, поэтому проверить, без одежды ли мужчины, возможным не представлялось.

У меня ничего не болело — разве что еле заметно пылала метка. Значит, видимо, со мной ничего не сделали. Пока. Это «пока» уничтожало все надежды на благоприятный исход ситуации. Меня ведь раздели и уложили тут. Для чего, если не для...?

От страшных догадок мое сердце учащенно забилося. Я попыталась пошевелиться, но как раз в этот момент Фар повернулся и положил на меня свою руку. Тогда я поняла окончательно: это не сон и не игра моего разума — а действительность, в которую я все еще не готова была поверить.

— Это невозможно, — шепнула я.

Шепот прозвучал, как обычно — разве что мгновенно растворился в тишине.

Мозг судорожно старался вспомнить, как я сюда попала. Запахи леса и благовоний вплелись в еще свежие воспоминания из кофейни: когда Тим недвусмысленно намекнул, что мои полуголые снимки может увидеть общественность. Неужели он думал, что я вернусь к нему из-за опасения быть обнародованной?...

Но Тим слишком хорошо меня знал. Сама мысль о том, что кто-то увидит эти фотки, вызвала у меня такой приступ паники, что перед глазами поплыли темные пятна, а в ушах зазвенело. Мой разум силился отыскать выход, план, хоть какой-то, но их не было.

Тим не смог бы так предать меня, опубликовав снимки. Но его друзья, эти отморозки, — да, могли бы.

Обдумывая положение дел, я искоса бросала взгляды на Фара и Тана, спящих по обе стороны от меня.

Каждый из них был прикрыт своей льняной простыней. Тан лежал на спине, прямой, как доска, — будто даже во сне не позволял себе расслабиться. Фар же раскинулся на ложе, и его зеленые волосы разметались по подушке — если так можно было назвать кучку мха.

Только сейчас я заметила, что широкая низкая кровать напоминала то ложе, что я видела в так называемой гостевой: округлая форма, переплетенные корни, мягкий мох. Я так не хотела оказаться в пасти этой лежанки — и в итоге очутилась именно на ней, в самом эпицентре.

Я провела рукой по корням и мху, удивляясь, что отдыхать тут вполне приятно. Даже, пожалуй, удобнее, чем на привычной кровати. Тепло и натуральность поверхности резко контрастировали с чуждостью и абсурдностью ситуации. Казалось, лес хочет успокоить меня, но напряженность в теле упорно не отпускала.

Я вновь покосилась на... своих мужей. Предпринять еще одну попытку сбежать — нет уж, увольте. Есть риск потревожить кого-то из варваров, и кто знает, что придет им в голову с утра.

Тим говорил, что утром любого мужика мучает стояк, и лучший способ разбудить своего любимого — минет. Меня подобные разговоры всегда пугали и раздражали, и я тут же переводила тему. Во-первых, меня ужасала сама перспектива брать в рот член Тима. Во-вторых, мы никогда не просыпались вместе — к чему вообще были эти рассуждения?

Я тихонько привсталала, стараясь оценить, есть ли у Тана или Фара что-то, что выдавало бы их возбуждение. Взгляд цеплялся за изгибы их тел под простынями, но определить, верны ли мои предположения, было сложновато.

Удивительно, но мысль о том, что их члены могут стоять, вселяла в меня не страх, как в случае с Тимом, а... интерес. Желание увидеть, удостовериться... в чем-то.

Я зажмурилась, настойчиво отгоняя от себя сомнительные идеи, но между ног уже появился отклик, природа которого была очевидна. Меня охватил ужас: это чувство было чужим, неприемлемым, недопустимым, абсолютно ненужным. Но избавиться от него было нереально, по крайней мере, здесь и сейчас.

С каждой секундой ощущение становилось все более явным. Я изо всех сил пыталась перекрыть его рассудком, представить Тима, кофейню, что угодно. Но пульсация между ног продолжала расти и множиться, поработая сознание.

В конечном счете мне не удалось побороть любопытство. Варвары не подавали признаков пробуждения — а значит, можно было проверить, правда ли то, о чем болтал Тим. Просто заглянуть на секундочку — а потом думать, как выбраться отсюда так, чтобы никого не разбудить.

Тан завернулся в свое покрывало как в кокон, так что я выбрала Фара. Тот тоже покоился на спине, но более вольготно. Я осторожно сдвинула простыню, двигаясь как можно медленнее, чтобы он не почувствовал шевеления воздуха.

— Боже, — выдохнула я.

Тим был прав. Член Фара стоял — и еще как. Большой, симметричный, напряженный. Он пульсировал в такт сбивчивому дыханию — как живое существо, отдельное от хозяина. Кожа на нем была гладкой, чуть потемневшей у основания, а приоткрытая головка блестела в тусклом свете.

Увлечшись разглядыванием, я не заметила, что Фар уже проснулся. Поняла это только тогда, когда услышала его хриплый шепот:

— Хочешь пососать?

Глава 12. В ловушке

Я замерла, тут же забыв о том, как дышать. В такую позорную, унижительную и одновременно опасную ситуацию я попадала лишь раз — когда Макс делал мои снимки в развратном комбинезоне.

В следующую секунду я выпрямилась. Потом, спохватившись, рывком прижала простыню к груди и попыталась отползти. Но не успела — кто-то зафиксировал меня так, что нельзя было и шевельнуться.

Конечно, это был Тан. Я сумела повернуть голову и уловить его бесстрастное выражение лица.

— Не двигайся, — велел он. — Добегалась уже.

— Отпусти, — просипела я. — Мне больно.

Я соврала. Неприятных ощущений не было, но сила в пальцах Тана была такой, что сомнений не оставалось — если захочет, удержит, даже не напрягаясь.

Фар лениво рассмеялся. Он перевернулся на спину, раскинулся на ложе, и я заметила, как под тонкой тканью снова обозначилось то, что я так неосторожно рассматривала минуту назад.

— Так мечтаешь пососать, или просто разглядывала? — он уставился на меня с порочной ухмылкой, явно наслаждаясь моей растерянностью.

Я сглотнула, не находя слов. Рискнула пошевелиться, но хватка усилилась — пальцы сжимали, не позволяя двинуться ни на сантиметр.

— Не дергайся, — его голос прозвучал низко, у самого уха — так близко, что по коже прошел ток. — Или хочешь, чтобы Фар подумал, будто ты согласна?

Эта фраза подействовала сильнее любого приказа. Я застыла, чувствуя, как бешено колотится сердце.

Фар приподнялся на локте, изучая меня с каким-то лукавым интересом.

— А может, и правда согласна, — хмыкнул он. — Ты бы видел, как эта похотливая шлюшка пялилась на мой ствол.

— Не сейчас, — тихо произнес Тан.

Легче от услышанного мне не стало. Получается, меня все равно ждало что-то жуткое, просто попозже.

Фар пожал плечами.

— Да я и не спешу, — ответил он.

Его глаза снова вернулись ко мне, и от этого взгляда мне сделалось не по себе. В нем было животное любопытство, пламя, которое мне уже доводилось наблюдать прежде. Меня бросило в жар, хотя в комнате было довольно прохладно.

— Пусти, — обратилась я к Тану, чтобы не смотреть больше на Фара, не чувствовать себя так, будто на мне нет этого льняного покрывала.

На удивление, тот послушался. Видимо, понял, что я никуда не денусь. В любом случае это был хороший знак: по крайней мере, хотя бы один из варваров был способен на конструктивную беседу.

Я отдернула руку, спрятала ее под простыню и ощутила, что дрожу. С одной стороны на меня давила ледяная тишина Тана, с другой — пылающая наглость Фара.

— Что это за место — ваша спальня?

Я решила наладить диалог, а заодно попытаться получить ответы хотя бы на какие-нибудь вопросы. Насиловать прямо сейчас меня никто не собирался — оставалось радоваться хотя бы этому.

— Ты думаешь, я и Тан спим вдвоем? А ты забавная, — хохотнул Фар. — Но нет. Это комната для утех.

— Каких еще... утех? — пролепетала я мгновенно севшим голосом. Все надежды на благоприятный исход тут же растаяли.

— Тебе все перечислить?

— Не надо, — поспешно сказала я. — А... как я сюда попала?

Хотелось еще спросить, почему мы все раздетые, но искушать судьбу было бы глупо.

— О, это твоя заслуга, — бросил Тан.

— В смысле?

— Ты вообразила, что сможешь убежать, хотя я предупреждал тебя.

— Состояние у тебя было пиздец, — подхватил Фар. — Уже несколько суток лежишь в отключке. Лежала, то есть — очухалась, слава лесу. И еще как.

На последних словах он похабно подмигнул, но я не обратила внимания — настолько была удивлена.

— Несколько суток?!

Я в который раз ощутила глубокое замешательство.

— Поэтому ты и голая, как шалава, — все не унимался Фар. — Мы сняли с тебя этот блядский комбинезон.

— А вы почему голые? Тоже пришлось снять с себя комбинезоны? — вылетело у меня изо рта, и я тут же мысленно ужаснулась.

— О, да ты еще и горячая штучка, — усмехнулся Фар. — Ну, лично я привык так спать. Чего трусы лишний раз снимать, если скоро предстоит драть такую сучку, как ты.

Низ живота болезненно и сладко заныл. Ну почему меня не пугали, а лишь возбуждали его отвратительные пошлые фразочки? И почему в комнате, полной друзей Тима, я не была такой языкастой? Сейчас я чувствовала, что могу себе позволить подерзить, хотя обстоятельства складывались не в мою пользу.

Внезапно Тан совершил какое-то движение. Не успев понять, что происходит, я оказалась лежащей на спине, а он навис надо мной сверху. Шершавые льняные покрывала отделяли нас друг от друга, но я явственно ощущала бугор — такой же, который разглядывала у Фара.

Несмотря на недавнюю бравладу, внутри меня тут же поднялась волна панического ужаса: тревога от того, что не могу контролировать даже собственное тело, смешалась с осознанием, что любое мое шевеление только усилит и подчеркнет безраздельную власть этого громилы.

Против воли я всмотрелась в лицо Тана. Он был красивым, могущественным, хоть и заросшим. Теплый коричневый цвет глаз спорил с его сдержанностью. И... клянусь, в волосах Тана был мох, спутанный и немного влажный. Казалось, этот мужчина принадлежит лесу — дикому, непредсказуемому и чуждому моему миру.

— И не надейся на побег, — отчеканил Тан. На этот раз его тон звучал особенно холодно и устрашающе. — Больше не пытайся. Размечталась, что можешь выбраться из этого леса? Забудь. Здесь нет выхода, нет слабых мест, нет хитрости, которая могла бы спасти тебя. Ты навсегда с нами, и это не обсуждается.

Судя по тому, что я уже возвращалась отсюда в свою реальность, выход, пусть и ненадолго, но был. Однако, как выяснилось, он был связан с такой нереальной болью, что я была абсолютно уверена: повторить свой подвиг мне не удастся.

— Тебе некуда идти, наша маленькая подстилка, — облизнулся Фар. — Здесь — свои законы, нравится тебе или нет. И тебе придется их принять.

— Какие законы? — выдавила я.

Не то чтобы я жаждала узнать о них здесь и сейчас, но вдруг бы рассказ отвлек Тана и Фара от форсирования событий и непоправимых действий? Однако я ошибалась.

— В первую очередь, — прошипел Фар, вперившись в меня взглядом — лежа под Таном, я повернувшись, смотрела в его огненные глаза. — Давать своим мужьям в пизду, рот и жопу,

когда они этого захотят. Глотать их сперму в любое удобное время. Ну и не сбегать по возможности — все равно ничего не получится.

Паника накрыла меня. Вроде как я должна была бояться, кричать, вырываться. Но внизу живота вместе с холодом вспыхнул жар — живой, обжигающий. Страх обратился в огонь и выжигал меня изнутри.

Этот жар не имел права быть здесь — рядом с холодом, с его тяжестью и невозможностью дышать. И оттого было еще страшнее: не только потому, что Тан и Фар могли и планировали сделать со мной все, что хотели. Но и потому, что некая грань меня — неведомая, безумная, предательская — кажется, уже перестала сопротивляться.

— Ты уже часть нас, — отрезал Тан. Он наконец слез с меня, но я все еще оставалась словно в западне между двумя хищниками. — Связь не рвется. Ты можешь злиться, бороться, бежать — но конец будет один. Поняла?

Я торопливо кивнула — слишком уж острыми были ощущения от его нахождения на мне, от неожиданной близости, которая застала меня врасплох.

— Ну, раз ты все поняла... — Фар в одно мгновение сдернул с меня покрывало, оставив полностью обнаженной. А затем хрипло прошептал мне прямо на ухо. — Тогда можем начать с того, что ты не закончила.

Глава 13. Раздвинутые границы

Сказать, что я была ошарашена — не сказать ничего. Уже в следующую секунду я попыталась закрыться руками, но Тан и Фар в мгновение ока перехватили мои руки и развели их по сторонам. При этом Тан невольно задел метку на запястье — она отозвалась знакомой вибрацией, разливая по телу приятное тепло.

Я инстинктивно начала лягаться, как это делала в детстве, когда хотела отбиться или вырваться. Но корни, из которых было сплетено ложе, вдруг обвилились вокруг щиколоток и икр, мягко, но непреклонно прижимая их к кровати.

Вслед за ногами та же участь постигла и мои руки — ветви оплели запястья, прикрепив их куда-то к изголовью.

Я зашевелилась, пытаюсь освободиться, но обнаружила, что при каждой такой попытке прутья сжимались и смещались, создавая иллюзию, что они живые. Реагирующие на импульсы, они были продолжением Тана и Фара, управляющих моим телом без единого физического касания.

— Не дергайся, — бесстрастно произнес Тан. — Не поможет. Чем быстрее ты подчинишься, тем будет лучше для тебя.

Он был прав — при всем желании я не смогла бы избавиться от этих пут, очень уж основательно они сковывали меня.

В итоге я оказалась лежащей перед Фаром и Таном голая, с надежно зафиксированными руками и ногами. Ощущение полной неподвижности одновременно пугало и... возбуждало. Я была в панике и как будто опьянена собственной беспомощностью.

— Вот так-то, сучка, — удовлетворенно прорычал Фар. — Теперь ты узнаешь, что такое настоящее подчинение. Тебе понравится. Таким блядям, как ты, всегда нравится, когда их имеют во все щели.

— Но я не такая! — в отчаянии выкрикнула я.

Только сейчас меня осенило: может, они меня с кем-то перепутали? Например, вызвали проститутку, и решили, что я — это она? А про жену — возможно, ролевые игры у них такие.

— Какая — не такая? — равнодушно осведомился Тан.

Он прямо, не скрываясь, разглядывал меня прямо там — куда стеснялась заглядывать даже я сама. Фар тоже не отставал: его глаза жадно шарили по моему телу, задерживаясь на изгибах. Они не касались меня, но почему-то в нижней части живота стало нереально жарко и влажно от их взглядов.

— Я не... — я никогда в жизни не материлась, и даже сама мысль о том, что нужно повторить это слово, была неприемлемой, — в общем, я совсем не такая, как вы думаете! У меня никогда никого не было, и мне не нравится, когда меня имеют во все щели! — выпалила я.

Сказанное произвело обратный эффект. Тан слегка скривил уголок губы, а Фар хищно оскалился:

— Да, мы знаем, что ты целочка. Так даже интереснее. Тем ценнее будет момент, когда ты сама будешь просить отодрать тебя в твою ненасытную пизденку.

От этих крайне неприличных фраз мои щеки могли бы вспыхнуть — если бы вся кровь не прилила к тому месту, которое только что так цинично упомянул Фар.

— Уже течешь? — ледяным тоном проговорил Тан. Он не сводил с меня глаз, и его вопрос явно требовал ответа.

— Нет, конечно, нет, — пролепетала я.

— А если проверим? — порочно ухмыльнулся Фар.

Правда была в том, что я совершенно точно текла, и ничего не могла с этим поделать. Самого осознания того, что Фар и Тан наблюдают, хватало, чтобы тело откликлось, и ощущалось это невыносимо стыдно.

— Непременно проверим, — размеренно кивнул Тан, но не шелохнулся. То ли дал таким образом команду Фару, то ли ждал чего-то.

Я старалась не двигаться и даже затаила дыхание. Но корни подо мной все равно чуть колыхались. Они чувствовали мою растущую готовность, смеялись над моей невозможностью сопротивляться.

Мох также не остался в стороне: подо мной пульсировала глухая вибрация, будто чье-то огромное сердце билось в такт моему.

Ветви извивались все увереннее — не грубо, но настойчиво. Они опутывали меня все плотнее и, как я с ужасом осознала, подбирались ближе туда, где все горело и жаждало прикосновения.

Но не могла же я лишиться невинности вот так — даже не от члена, а от дерева! Это наверняка было бы жутко больно.

— Не надо! — вырвалось у меня. Я ни на что не рассчитывала, но удержаться не вышло.

— Что не надо? — вкрадчиво поинтересовался Тан.

Как раз в этот момент один из корней коснулся моих складочек, и я простонала. Проникновения не произошло: корень замер у самого входа, ритмично прижимаясь и отстраняясь. Эти шевеления распалили меня все больше и больше, затрудняя возможность отделять реальность от иллюзий и своих ощущений.

— Входить... — с трудом выдохнула я.

— Размечталась, шлюшка! — расхохотался Фар. — Трах нужно заслужить, и ты будешь умолять нас о нем. А сейчас мы просто немного позабавимся.

— И ты кончишь, потому что так хотим мы, — отчеканил Тан. — Пусть это станет тебе уроком.

У меня не было шанса уточнить, чему именно меня должно научить происходящее. Движения корней становились все более интенсивными. Каждая клеточка моего туловища жила своей жизнью, полностью ведомое ими.

Волны возбуждения накатывали одно за другим, но как только финал приближался, давление ослабевало. Я все сильнее сходила с ума, а Тан и Фар не спешили ускорить разрядку и поторопить плетение.

— Смотри на нас, — приказал Тан.

Я распахнула глаза — оказывается, они давно были закрыты. И тут же выпучила их от неожиданности: Фар и Тан скинули свои льняные покрывала и всюю поглаживали свои стволы. Неужели они все-таки собирались использовать их по назначению? От этой мысли я снова чуть не достигла пика, но корень у моей промежности вовремя отстранился.

— Я же сказал, что сейчас мы не будем тебя трахать, — усмехнулся Фар, заметив мой испуганный взгляд. — Но это не помешает нам обкончать тебя, чтобы ты вся лежала в нашей сперме. Как и положено грязным шлюхам.

У меня уже не было сил возражать или задавать вопросы. Прутья скользили, приникали, сжимали и отпускали, создавая бесконечные иллюзии прикосновений.

— Только посмотри на себя, — сухо заговорил Тан. — Лежишь тут с раздвинутыми ногами, напрашиваясь на наши твердые члены. Только такие похотливые шалавы, как ты, могут течь всего лишь от касаний каких-то растений.

— Она и есть похотливая шалава, — прошипел Фар. — Ведь так?

Я не могла ответить: стоная и извиваясь, я подчинялась шевелениям ложа — или, напротив, подстраивала его под себя. Любым способом стараясь достичь пика и сбросить с себя это томление.

— Отвечай, иначе не дадим кончить, — холодно бросил Тан.

— Так...

— Что — так?

— Я... похотливая шалава...

Я почти обезумела от стремления испытать оргазм. Это первобытное звериное желание напрочь отвергало доводы разума и не поддавалось никаким объяснениям. Я была готова практически на все.

— А еще кто? — издевался надо мной Фар, не переставая водить рукой по своему члену.

— Кто?...

— Развратная сука?

— Да, развратная сука... — стонала я, уже ничего не соображая.

— Ебливая насадка на наши болты?

— Да, я...

Наконец волна накрыла меня — одна, вторая, третья. Жгучий, разрывающий изнутри экстаз растворил границы реальности: сознание разлетелось осколками, а я словно превратилась в пульсирующий оголенный нерв.

Грязно матерясь, начал кончать Фар, а за ним, молча, буравя меня взглядом, дошел до кульминации и Тан. Брызги летели прямо на мое тело, бесстыдно раскрытое для варваров.

Все это было чересчур. Когда последняя вспышка захлестнула меня, границы моего восприятия размылись. Постепенно все вокруг — запахи, голоса, прикосновения — слились в одно всепоглощающее ощущение. Плоть продолжала реагировать на корни и присутствие Тана и Фара, но ум уже не мог сосредоточиться ни на чем.

В следующий миг темнота и необычная тяжесть окутали меня с головой.

Глава 14. Там и здесь

Передо мной был Тим. Кажется, он ждал от меня какого-то ответа: напряженно всматривался в мое лицо. Вроде бы даже был немного напуган.

— Ник? — наконец спросил он.

— Что? — пробормотала я, уставившись на бывшего парня.

Все мое тело было каким-то вялым, сознание — тоже. Я с трудом осознавала, где нахожусь и что вообще происходит. Внутри стояла странная звенящая пустота.

На столе передо мной находилась чашка. Я на автомате схватилась за нее ладонями: кофе остыл. Огляделась — мы сидели в кофейне у моего дома.

А ведь только что я была в совсем другом месте — в мшистой постели, с конечностями, прикованными к изголовью. И лишь сейчас, стоило вспомнить об этом, тело пробудилось: я вновь ощутила каждую мышцу, каждый нерв.

— Ты опять о чем-то своем думаешь, — уже раздраженно произнес Тим. — Так что скажешь?

— Что скажу? — повторила я.

— По поводу того, что я только что сказал, — теряя терпение, бросил Тим.

— А что ты сказал?

Я понимала, что Тимофей вот-вот разозлится, но мне необходимо было выиграть время, чтобы окончательно сориентироваться во времени и пространстве.

— Ты будешь со мной? — его голос стал резче, с какой-то холодной требовательностью, которую я раньше не слышала. Или слышала, но не обращала внимания. — Хорош уже дуться, давай забудем твой дурацкий день рождения. Ну?

Я попыталась сообразить, как попала сюда. Вроде бы Тим поджидал меня в машине у ворот, я согласилась ненадолго заглянуть в кофейню, заказала капучино — а потом оказалась с Таном и Фаром в кровати. Все было так запутано.

— Детка, не делай вид, что все сложно, — все настаивал бывший. — Скажи, или...

Это «или» повисло в воздухе, и тут я вспомнила, что говорил мне Тим перед тем, как я потеряла сознание — или что это было. Он предлагал мне все забыть, угрожая публикацией моих снимков в полуобнаженном виде — если я верно все поняла.

Все это было чересчур. Я резко вскочила со стула, чуть ли не опрокинув чашку. Хорошо, что пальто я не снимала. Плохо, что в ботинках Вики было некомфортно бегать.

В любом случае, оставаться наедине с Тимом я больше не собиралась. Я вдруг ясно почувствовала, что если останусь хотя бы на минуту — опять позволю ему перехватить инициативу. А сил спорить, объяснять, сопротивляться, просто дышать рядом с ним у меня не было.

Ноябрьский холод обжег лицо, но было плевать. Я выскочила на улицу и быстрым шагом направилась к дому. Не успела я уйти, как послышался голос Тима:

— Ник, але, мы не договорили, так-то!

Я ускорила шаг. Улицы вокруг плыли, превращаясь в сплошной поток света и теней. А я шла в этом потоке, не разбирая, где заканчивается тротуар, где начинается дорога, где реальность, а где мир, в котором Тан и Фар заставили меня испытать невероятное удовольствие, смешанное с жутким стыдом.

Тим не стал меня догонять — видимо, не позволила гордость. Я была этому рада: ноги и так болели от скорости.

Хлопок двери прозвучал очень громко — я вздрогнула. Но он был кстати, отрезая меня от всего, что случилось за пределами квартиры. Мой день рождения в доме, беготня по лесу, знакомство с Фаром и Таном, дни у Вики, разговор в кофейне с Тимом... В эти несколько дней уместилось слишком много событий, чтобы разум мог их осмыслить.

Я не сразу прошла дальше прихожей. Скинула неудобную обувь, бросила сумку на пол, кое-как повесила пальто на вешалку. И опустилась рядом прямо на коврик у двери.

Я не знала, с чего начать решать свои проблемы: с бесстыдной, развратной, совершенно невозможной сцены в постели варваров или с угрозы Тима показать всем мои фотографии, если я к нему не вернусь. И то, и другое казалось настолько абсурдным, что мне пришлось силой заставить себя мыслить рационально.

Утром мне нужно было вставать в универ к первой паре. А значит, времени расслаживаться у порога не было. Если бы я сейчас рухнула на этот коврик и растворилась в водовороте чувств, завтра не смогла бы собраться.

Необходимо было встать, привести себя в порядок, упорядочить мысли и лечь спать. Даже если эти действия были бы фасадом и видимостью нормальности — без них я потеряла бы последнюю возможность контролировать свою жизнь.

Я аккуратнее поставила ботинки, спрятала сумку. Затем сняла с себя вещи Вики и переоделась в домашнее. Включила чайник — и пока он закипал, решила взглянуть на метку.

Она успела стать частью меня, но все еще казалась мне чужеродным, непрощеным знаком, который не должен был существовать в этом мире. А главное — этот след доказывал, что все было: лес, хижина, мужья. То, что произошло в ложе.

Мои размышления прервал приглушенный сигнал мобильного — я забыла достать его из сумки. Когда я увидела имя звонившего, внутри все обмерло — это был Тим.

Сердце снова подпрыгнуло. Однако отвечать я не собиралась.

Было ощущение, что часть моей души, связанная с Тимом, заморозилась — я ощущала тупую боль, но не давала ей прорасти в меня, заполнить до краев.

Сейчас я инстинктивно отключила лишнее. Словно в голове появился какой-то внутренний рубильник. Сознание выбирало, какие воспоминания на данный момент можно вынести, а какие лучше убраться в дальний угол. Хотя бы до завтра.

Я как будто заклеила рваные места скотчем. Некрасиво, ненадежно, но достаточно, чтобы дожить до утра.

Тут телефон завибрировал снова. Я хотела было повернуть сотовый экраном вниз, но вовремя заметила, что это не Тим, а Вика.

— Я тебе смс писала, ты чего не отвечаешь? — без предисловий выпалила Вика.

— Я не видела, — честно выдохнула я.

Казалось, что я уехала от подруги очень давно, и прожила за это время целую жизнь.

— Свалила — и молчок. Жива — не жива, добралась до дома или нет? Как я должна была это узнать? — продолжала возмущаться Вика.

Я помолчала, решая, говорить ли о встрече с Тимом. Я уже загнала мысли о нем в угол, и доставать их оттуда совсем не хотелось. Да и подруга и так его практически ненавидела. Лучшим решением было отложить этот разговор на потом.

— Все в порядке, — заверила я.

— Завтра в универ идешь?

Мы обе совмещали учебу с работой. Я пыталась зарабатывать фотосессиями, а Вика была помощником контент-менеджера на полставки.

— Иду, куда деваться, — тяжело вздохнула я.

— Тим больше не звонил?

— Звонил, — с заминкой проговорила я, утаив часть правды. — Я не взяла трубку.

— И правильно, — с заметным облегчением произнесла Вика.

Мы попрощались, я приняла душ и легла в кровать. Мне не спалось. Стоило закрыть глаза, на ум лезли совершенно ненужные и вредные мысли — но не о Тиме, а о варварах.

Некстати вспомнилось, как я увидела член Фара, и он предложил пососать его. Как Тан лег на меня сверху, прижав всем своим телом. Как корни оплели мои руки и ноги, приковав

меня к постели. Как мужчины кончили на меня, а потом дали дойти до финала и мне — от действий растений, из которых было сплетено ложе.

А еще на ум бесконечно шли все те грязные слова, которыми называли меня мои мужья: сучка, шалава, подстилка... Именно из их уст все эти пошлые фразы и приказы звучали так волнующе, что между ног у меня моментально становилось мокро. Со мной явно было что-то не так, если меня возбуждало их отношение ко мне.

Но я снова решила подумать об этом позже. А пока засунула руку под одеяло и коснулась своих влажных складочек. Я представляла, как Тан и Фар наблюдают за мной, водя ладонями по своим стоящим членам, а после орошают меня своей спермой.

Картинки в голове были такими яркими, что мне хватило всего пары минут, чтобы дойти до финала.

Почти сразу я провалилась в сон, надеясь, что мне ничего не приснится — срочно нужен был отдых после такого наплыва эмоций.

Глава 15. Послевкусие

Едва проснувшись, я тут же вспомнила все случившееся — и мне тут же захотелось перевернуться на другой бок и снова провалиться в сон.

Но первой парой было журналистское мастерство — эти занятия я любила и не была намерена пропускать.

Собраться было непросто. Голова раскалывалась от воспоминаний, и теперь к ним прибавилась еще и вчерашняя ночь, когда я довела себя до оргазма, вдохновляясь касаниями варваров. Это было нелепо и безумно. Но и сейчас, едва я подумала о том, что произошло в ложе, низ живота запульсировал и потребовал прикосновений.

— Еще чего! — пробормотала я и направилась в душ.

Вода придала бодрости и смысла напряжению, но мысли никуда не ушли. Внутри властвовала пустота, в которой отдавалось эхо всех недавних событий.

Спасением оказалась одежда. Я напялила на себя джинсы и старый свитер — все привычное, отделяющее меня от прошлого дня, от Тима, леса, Фара и Тана. После пар меня ждала фотосессия клиентки. Брала я за такую работу пока немного, но моим моделям нравилось — а мне тем более.

За праздники я успела отвыкнуть от обычной жизни, так что все показалось мне чужеродным: и дорога до остановки, и набитый людьми автобус, да и сами люди.

К тому же я неосознанно оставалась собранной — боялась встретить караулящего меня Тима, или снова окунуться в непонятный морок и угодить в руки варваров. Мне то слышались шаги за спиной, то чудилось, что я падаю в обморок.

Но до универа я, к счастью, добралась без приключений. Стоило разглядеть издали знакомые стены корпуса — задышалось свободнее.

У входа в университет мне повезло еще раз: я столкнулась с Викой. Хотя вряд ли речь шла о везении — она наверняка караулила меня, чтобы поговорить.

— Ну наконец-то! — воскликнула она. — Ты чего так долго?

— А разве мы договаривались встретиться? — наморщила я лоб, припоминая детали вчерашнего разговора по телефону. В голове все еще царил сумбур.

— Нет, но могла бы и пораньше прийти. У тебя все ок? Я переживаю вообще-то.

Она прищурилась, стараясь поймать мой взгляд, но я отвела глаза. Однако испытала приступ нежности к подруге: в этом хаосе происшествий и эмоций она неизменно выступала моим надежным якорем, пусть и взбалмошным. Простая забота Вики разом вскрыла всю хлипкость моих попыток вернуть свою жизнь в прежнее русло.

— Да, но мне нужно тебе кое-что рассказать, — выдавила я.

— Про что?! — выпучила глаза Вика. — Не говори, что про этого придурка.

— Про него, — призналась я. — Объясню на перемене.

На парах журмаста наш поток делился на группы. Мы с Викой были в разных группах, так что поведать о разговоре в кофейне на паре возможным не представлялось.

— Так нечестно! — заныла Вика. — Я же с ума сойду. Может, прогуляем, а?

Она выглядела так, будто готова была сию минуту схватить меня за руку и утащить куда-нибудь в пустой кабинет, только бы вытрясти правду.

— Ну уж нет! — воспротивилась я. — После пары.

Вика обреченно вздохнула, и мы разошлись по аудиториям. Без подруги мне внезапно стало одиноко. Но необходимо было идти, держаться, находиться здесь и сейчас.

Пара пролетела как в тумане. Сегодня я не блистала красноречием — пялилась на других, снова и снова перебирая в памяти последние дни. Вчера я сумела затолкать мысли о Тиме и

его предательстве в самый дальний угол сознания, но теперь страхи вырвались наружу во всей своей пугающей полноте.

Осознание того, что где-то есть снимки, на которых я практически обнаженная, не давало покоя — и это мягко сказано.

Я не могла позволить, чтобы мои фотки в том развратном комбинезоне кто-то увидел. Да, я не была голой, но костюм был полупрозрачным, и уничтожал пространство для догадок — все было как на ладони.

И именно в этот миг меня накрыло особенно жестко. Я сидела за партой, делая вид, что слушаю однокурсницу, а у меня в душе klokотала паника: достаточно хотя бы одному человеку наткнуться на те кадры — и моя жизнь рассыплется.

Я представила, как кто-то увеличивает фотографии, смеется, пересылает дальше, и меня затошнило от ужаса, какого я не чувствовала никогда.

А если это дойдет до родителей... Нет, это было немыслимо. Для них я всегда должна была оставаться хорошей девочкой, а не шлюшкой в прозрачном комбинезоне, через который просвечивало буквально все.

Лес, варвары и то дикое ложе казались чем-то из другого мира. А этот шантаж был реальным, липким и противным.

Кое-как я досидела до конца пары и встретила с Викой. Беседа предстояла не из легких. Мы устроились на одном из подоконников между этажами. Мимо то и дело сновали студенты, но они не останавливались, так что никто не мог нас подслушать.

— Ну, и что там Тимофей?

Я опустила взгляд на руки. Начать оказалось сложнее, чем я предполагала.

— Ну... — проговорила я. — Вчера я говорила с ним.

— Чего?! Зачем ты взяла трубку?

— Не трубку — он подкараулил меня у подъезда. Мы пошли в кофейню — помнишь, которая возле моего дома.

— И зачем ты пошла с ним туда? Он же больной! О чем с ним говорить вообще! — громко выпалила подруга, не обращая внимания на окружающих.

— Тише! — прошипела я, нервно покосившись на проходивших мимо. — Я думала, мы просто расстанемся по-хорошему.

Вика расхохоталась, но как-то не по-доброму.

— В общем... — я собралась с духом. — Он просил, чтобы я вернулась к нему. Угрожал, что кто-нибудь увидит мои фотки.

Вика замерла на мгновение, переваривая услышанное.

— Что, блядь, прости? Как это вообще сочетается?

— Не сочетается, — грустно согласилась я.

— А ты что?

Я тут же вновь пережила тот момент, когда погрузилась в небытие и очнулась между Фаром и Таном. Но поведать о своих галлюцинациях — или что это там было — я пока не была расположена.

— Убежала.

— Убежала, ага... — Вика нахмурилась, о чем-то напряженно раздумывая. — Ник, слушай, у него очень сомнительные друзья. Они ведь и правда могут... Давай я все-таки скажу Никите? Или устрою вам встречу — сама опишешь ситуацию?

— Ты что, встречаешься с криминальным авторитетом? — умудрилась сострить я, хотя мне было совсем не весело.

— Не, он фотограф, как и ты, — отмахнулась Вика. — Но есть у него пара серьезных ребят...

— Я сама что-нибудь придумаю.

Прозвучало неуверенно — и Вика тоже это почувствовала.

— Сама? — повторила она с сомнением. — Ты же видишь, что он не шутит.

Внутри все тут же заледенело. Я тоже понимала, что не шутит.

— Я буду иметь в виду.

Вика кивнула, и ее лицо смягчилось, но лишь чуть-чуть:

— Ладно... Ты мне скажи, если надумаешь. И держи в курсе.

— Спасибо, — я слегка улыбнулась, хотя это было скорее маской, чем настоящей улыбкой.

— Ну все, — Вика взглянула на часы, — пора на пару.

Разговор с подругой немного стабилизировал состояние. Но проблема не была решена, и остаток занятий я размышляла об одном: как заставить Тима удалить фотографии или хотя бы забыть о них. И чтобы при этом мне не пришлось к нему возвращаться.

До конца учебы мне в голову так ничего и не пришло. Но было уже пора ехать на съемку: фотостудия была забронирована всего лишь на час.

Я машинально проверила в мобильнике адрес студии и время, хотя прекрасно все это помнила. Это был способ задержаться, дать себе пару секунд, прежде чем шагнуть в холодный ноябрьский воздух. Вика шла рядом, болтая о какой-то ерунде, стараясь отвлечь меня.

Мы спустились на первый этаж, прошли пару поворотов, и вышли в стеклянный предбанник. Оставалось открыть дверь на улицу. Не успев это сделать, я заметила за стеклом явно ожидающего меня Тима.

Глава 16. Несмотря на страх

— Стой! — истерично выкрикнула я, пятась. Кажется, я задела кого-то, но было не до того.

В руках у Тима виднелся букет — штук пять красных роз в целлофане.

— Твою мать... — тихо пробормотала Вика, мгновенно поняв все без слов. — Так, Ник, повернись к нему спиной. Идем назад. Скорей.

Но я не могла отвести взгляд. Меня будто накрыло ледяной волной: все внутренности заморозились, и я не в силах была сдвинуться с места.

— Ник, ты оглохла, что ли, — Вика потянула меня за рукав. — Уходим, сейчас же.

Я заставила себя сделать шаг назад, потом второй. Тим не заметил. Иногда он оглядывался на стеклянные двери, но не вглядывался внутрь.

Из предбанника мы вернулись в холл. Лишь там я выдохнула. Колени подкашивались так, что я прижалась к стене, пытаясь хоть как-то удержать равновесие.

— Еще и цветы притащил, — со злостью прошипела Вика. — Причем на годный букет, видать, запахло было тратиться. Ты видела этот целлофан?!

Я все еще была не в состоянии поддерживать беседу. Лед немного оттаял, но на смену ему пришла боль, тягучая и неприятная. В ней смешались стыд, отвращение, старая привязанность и панический ужас — все сразу. Но все же холод никуда не ушел: часть меня отстранилась и наблюдала за происходящим со стороны, оценивая ситуацию.

Вика вгляделась в меня:

— Ник... все в порядке?

Разумеется, ничего не было в порядке. Но я выдавила:

— Ага. Пойдем через задний выход.

— Да, — кивнула подруга. — Пошли.

Я была в безопасности, ведь мы с Викой находились в корпусе, а Тим — снаружи. Но мне все равно было беспокойно: словно в любой миг мой бывший мог вынырнуть из-за угла, начать говорить, обвинять, давить, угрожать.

Нужно было настраиваться на фотосессию, но я была на грани, и не знала, получится ли у меня создать видимость нормальности. Так или иначе, мне необходимо было исчезнуть, не попадаться на глаза Тиму. С остальным можно было разобраться позже.

Мы вышли во внутренний двор. Свежий воздух обжег лицо так же резко, как совсем недавно эмоции, и от этого контраста меня повело. Я остановилась, пытаясь успокоиться, но грудь по-прежнему сжимала чья-то тяжелая ладонь.

Незаметно, но крепко Вика взяла меня под локоть как бдительный поводырь.

— Все норм, Ник, — заявила она. — Ты уже не там. Тим тебя не видел. Уйдем отсюда — и все.

Я согласно покивала, хотя на деле чувствовала не ахти: мысли путались, а по коже бежали мурашки при воспоминаниях о Тиме с этим нелепым жалким букетом. Но уверенный тон и теплота прикосновения подруги чуть размыли этот негативный фон и заставили сердце замедлить бешеный ритм.

— Так, пойдем с той стороны, — бросила Вика, видимо, решив взять все в свои руки. — Как раз пройдем подальше от этого твоего. Ты тут вообще? У тебя фотосет, помнишь?

— Не моего, — прохрипела я. Голос прозвучал так, будто я простыла за одну минуту. — Помню. Просто... не могу собраться.

— Собрершись. Выбора нет, — отрезала Вика и мягко подтолкнула меня вперед. — Пойдем.

Мы покинули двор через ворота и направились вдоль корпуса к остановке. Странно, как все изменилось из-за человека, стоящего у дверей с пятью дурацкими розами.

Я ускорила, но взгляд все равно непроизвольно цеплялся за машины. Каждый третий проезжающий автомобиль казался знакомым; я судорожно всматривалась в номер, убеждаясь, что это не Тим.

— Так с ума можно сойти, — пожаловалась я, когда мы миновали угловой поворот корпуса и очутились на дорожке, ведущей к остановке. — Это ненормально.

— Ненормально — притворяться, что ничего не произошло, — сухо ответила Вика. — С этим надо что-то делать.

Я до сих пор не придумала, что с этим всем можно сделать, так что сменила тему:

— Как думаешь, Тим может поехать таким путем?

— По идее, может, хотя вряд ли, — Вика пожала плечами. — Но он поди все еще стоит у главного выхода. В любом случае, я посажу тебя на автобус, и фиг ему.

Когда мы приблизились к остановке, напряжение медленно начало растворяться. Все вокруг было будничным и безопасным, и в этом ощущалось что-то утешающее.

— Все. Дальше сама, — сказала Вика, заведя автобус. — Но ты напиши или позвони мне, когда закончишь. Ферштейн?

Я хмыкнула:

— Есть, капитан.

Вика обняла меня.

— Держись, Ник. Ты не одна.

— Спасибо.

Вика отпустила меня и отправилась назад к универу — ее работа была рядом.

Я смотрела подруге вслед, пока та не скрылась. Как раз подъехал автобус. Я заняла заднее место у окна и стала всматриваться в машины. Если Тим вдруг ехал следом, я хотела быть в курсе, пусть и понимала, что шансы на такое микроскопические.

По мере удаления от универа мне становилось легче. Я вытащила фотик, положила его на колено, проверила настройки. Выдержка, диафрагма, ISO — я покрутила колесики, и мне стало совсем спокойно. Техника была моим якорем — твердым миром, в котором я знала каждую кнопку: сейчас это ощущение особенно помогало держаться на плаву.

В каменном панцире появилась трещина, и туда просочился свет. Я начала думать о съемке: как выстроить освещение и кадры. А еще о том, какое белье по итогу выбрала клиентка — сегодня намечался бельевой фотосет, и девушка не могла определиться.

К финалу поездки у меня возникло чувство, что я могу это выдержать: довести день до конца и, возможно, остаться собой довольной.

Фотостудия располагалась в новом доме с панорамными окнами, остановка находилась прямо перед ним. Я однажды уже проводила тут фотосъемку, так что долго искать и разбираться не пришлось. Я вошла в здание, получила карточку от лифта, доехала до студии и оказалась внутри.

Настроение моментально подскочило вверх. Это был мир без стеклянных дверей университета и вероломного бывшего, поджидающего тебя снаружи после предательства. Мир без чокнутых варваров, желающих твое тело и сводящих с ума. Тут все было под моим контролем.

Модель уже была на месте: выглянула из гримерки, едва я появилась в студии.

— Ника? — неуверенно спросила она.

— Да. Юлия? Будем на ты, ладно? Так проще снимать.

— Конечно, — улыбнулась девушка.

Было видно, что она нервничает: до этого Юля никогда не фотографировалась в белье, тем более откровенном. Сессия должна была стать подарком ее парню.

— Готова?

— Наверно, да, но немного волнуюсь.

— Пройдет, когда начнем, — я и думать забыла о панике. Теперь передо мной стояли задачи поважнее. — Давай пока выберем первый вариант одежды. Потом покажу тебе пару поз. Если что-то будет некомфортно — сразу говори.

Для начала мы остановились на черном комплекте: кружевном топе и крохотных стрингах. Наряд напомнил мне тот злополучный вечер, когда я вышла из ванной в развратном комбинезоне, а Макс щелкнул камерой.

На секунду стало больно, но усилием воли я отогнала от себя посторонние мысли: нужно было сосредоточиться на Юлии. Благо, что в руках у меня был фотоаппарат: он создавал дистанцию, через которую я контролировала хотя бы создаваемую сцену.

Клиентка пошла переодеваться, а я принялась подготавливать локацию. Студия была минималистичной, и фотозон тут не предполагалось, но я такое и не любила. Зато были всякие интересные штуки вроде рифленых стекол — их я как раз обожала использовать.

Пока я расставляла эти самые штуkenции, Юля как раз вышла из гримерки, прикрываясь руками. И как она решилась на такой фотосет, учитывая свое отношение к этому?

— Вау! — воскликнула я. Не из-за того, чтобы подбодрить — просто девушка действительно потрясающе смотрелась в белье.

— Спасибо, — смутилась Юлия. — Надеюсь, Саше понравится.

Клиентка робела, но в ней было что-то импульсивное, какой-то скрытый огонек. Я знала, что стоит дать чуть больше поддержки — и она проявит себя смелее, чем предполагает.

— Конечно! — с воодушевлением заверила ее я.

Мы приступили. Постепенно девушка раскрепостилась, как я и подозревала: не только принимала предлагаемые мною позы, но уже и сама предлагала их. К концу фотосессии от ее смущения не осталось и следа. Юля сменила пару нарядов, и мы даже сделали кадры с оголенной грудью, хотя этого моя клиентка точно не планировала.

Моя собственная реакция на чужую раскрепощенность была двойственной: еще не утихла боль от того, во что мне обошлось недавнее доверие.

Однако в какой-то момент я поняла, что комок, который сковывал грудь, не исчез полностью, но стал фоном: тусклым и слабым, почти не мешающим.

А еще, снимая, я поймала себя на мысли, что такая степень откровенности может быть привлекательной. Конечно, многое зависело от фотографа — то есть, от меня. Но впервые мне показалось, что женское тело в красивой, пусть и смелой форме подачи — это не так страшно. Скорее, наоборот.

Мы с Юлией вышли из здания, попрощались и разошлись в разные стороны. Я снова погрузилась в автобус и достала камеру, чтобы выбрать лучшее фото, скинуть его на смартфон и по-быстрому обработать — клиентам нравились такие сюрпризы в день съемки, это повышало лояльность.

Листая кадры, я подумала, что мне бы тоже хотелось попробовать что-то подобное. Но стоило представить, что такие снимки увидит кто-то еще, как ранее пригрозил Тим, внутри все сжалось — и я забыла об этом, перейдя к пересылке и обработке выбранной карточки.

Сразу после того, как я закончила, зазвонил мой мобильный.

Глава 17. Никита

Смотреть на экран было страшно: не улыбалось снова увидеть лицо Тима. Но, к счастью, это оказалась Вика.

— Жива там? — выпалила она. — Ну что, как прошла съемка?

— Нормально. Оказывается, фотосессии в белье — это красиво. Я как-то не думала так раньше.

— Класс, — отозвалась Вика и тут же переключилась. — Слушай, я по делу звоню.

Кто бы сомневался — я сразу поняла по деловому тону подруги, что насчет фотосета она спросила из вежливости.

— Говори.

— Короче... Помнишь, я рассказывала про Никиту? Ну, с которым мы встречаемся.

— Ну да, у меня не настолько короткая память, — поддела я Вику. — Он вроде тоже фотограф.

— Ага. Так вот. Пофоткаешь нас вместе?

Просьба меня не удивила: Вика не первый раз просила поснимать ее с очередной любовью всей ее жизни. Фотографией я увлекалась два года, и это был четвертый парень, которого подруга хотела увековечить в кадре — рядом с собой, разумеется. Парни менялись, но оставалось главное — сама Вика должна была выглядеть на этих карточках безупречно.

— Да, конечно. Когда ты хочешь?

— Ты же со съемки уже едешь, да?

— Ну... да, — насторожилась я. — А что?

— Может, приедешь ко мне прямо сейчас? Как раз с камерой.

От такого поворота я опешила. Я, конечно, любила свою подругу. Но после пар в универе, Тима с розами и работы с клиенткой меньше всего я желала тащиться к Вике и знакомиться с ее новым парнем — еще и снимать их.

— Ну Ника... — заканючила Вика. — У Никиты такой плотный график. Мы договорились, что сегодня он придет ко мне в гости. Это ненадолго. Тем более...

— Что тем более? — я подозревала, что речь пойдет о Тиме, и не ошиблась.

— Надо решать вопрос с твоим чокнутым бывшим! У Никиты есть знакомые, которые могут пригодиться, как я поняла.

— Так ты надеешься помочь мне или себе?

— И то, и другое! — воодушевленно выдала Вика. — Тебя это правда может выручить. А я так хочу красивые фоточки, как ты умеешь! И... ну... интересно же, что вы оба фотографы. Будет что обсудить.

Она помолчала, затем добавила:

— И мне будет спокойнее, если ты тоже его увидишь. Скажешь, нормальный он или так, временное помешательство.

Звучало логично. Каждый раз бегать от Тима был не вариант — это надоело бы ему, и угрозы могли стать реальностью. Да и запасная флешка у меня с собой была — я никогда не записывала разные съемки на одну карту памяти.

— А ты почему не на работе вообще?

— Уже закончила. Удачно все совпало.

— Ладно, — сдалась я. — Но на чуток.

— Супер! — Вика ожила. — Тогда жду тебя. Никита тоже скоро приедет. Просто домашние фотки сделаем, ничего такого.

— Ну еще бы ты хотела что-то этакое, — почему-то развеселилась я.

Наверное, все-таки от того, что мне не нужно было прямо сейчас ехать домой и не знать, встречу я Тима у подъезда, как в прошлый раз, или нет.

Добралась я за пятнадцать минут: когда подруга позвонила мне, я уже преодолела большую часть пути.

— Быстро ты, — оценила Вика. — Давай, заходи. Никита уже тут.

Тут в коридор вышел парень — видимо, тот самый Никита. Хотя, пожалуй, его можно было назвать мужчиной. Высокий, симпатичный, с собранными в хвостик темными волосами, с аккуратной бородкой. В черных джинсах и расстегнутой белой рубашке, под которой виднелась футболка. При этом лицо Никиты показалось мне смутно знакомым.

— Никита, это моя Ника, — подала голос Вика. — Ника, это мой Никита.

— Привет, — дружелюбно улыбнулся Никита.

— Подожди... — выдохнула я, всматриваясь в парня подруги. — Ты... ты случайно не Никита Сафронов?

— Ну... да, — хмыкнул Никита. — Это я.

— Почему ты не говорила, что твой парень — известный фотограф? — с удивлением воззрилась я на Вику прямо при Никите.

Странно, что я не додумалась раньше поинтересоваться фамилией парня Вики — мало ли. Никиту Сафронова знали в городе: он снимал кампейны — рекламные кампании — для брендов, отличаясь при этом неординарным подходом. Его почерк сразу был узнаваем. Работы Никиты давно мне нравились — при этом я и не мечтала приблизиться к его уровню, так он был далеко и высоко, по моим ощущениям.

— Ну, не знаю, — пожала плечами Вика. — Я же в этом не очень разбираюсь. А вот фоткаться люблю, — она заигрываяще покосилась на Никиту и поправила волосы рукой. — Так что жду фотосетов от тебя, дорогой.

Вика никогда не придавала чересчур большого значения чужим заслугам — она рассматривала людей в основном через то, как рядом с ними выглядит она сама. В этом даже было какое-то очарование. Хотя вот мои фотки она обычно нахваливала, так что грех было жаловаться.

— А почему вы не пофоткались со штатива? — продолжала спрашивать я. — Мои фотографии гораздо хуже твоих, — обратилась я к Никите.

В моих словах не было кокетства — исключительно правда. Никита был старше нас с Викой — ему было около тридцати. Фотографией он занимался давно, лет десять точно. Хотя дело было не в сроке — просто он был талантлив, вот и все.

— Не могу спорить — каюсь, пока не видел твои фотоработы, — рассмеялся Никита. — Не успел глянуть. Но я не люблю использовать штатив. Да и Вика так хотела, чтобы нас сняла именно ты.

Никита с обожанием посмотрел на мою подругу, и я окончательно прониклась к нему симпатией.

— В общем, не стоит ждать многого от этих снимков, если что, — мне показалось важным упомянуть это, чтобы Никита не сильно расстроился, увидев кадры.

— Ой, да она прибедняется, — махнула рукой Вика. — Я же тебе отправила вчера фото, помнишь? Авторство Ники.

— Ого, — Никита приподнял брови. — Ты видишь кадр.

От такого комплимента у меня, кажется, вспыхнули щеки. Было неловко и одновременно очень приятно. Я была рада, что приехала — вечер складывался на удивление прекрасно.

Вика хлопнула в ладоши:

— Ну что, устроим мини-сессию?

— Ой, сменю флешку, — спохватилась я. — Я сразу после съемки, — пояснила я Никите. — Вика позвонила, когда я направлялась домой.

— И ты не смогла отказаться от такого шикарного предложения, да? — подмигнула мне Вика.

— Типа того.

— Впервые слышу такие подробности. Ты заставила подругу мчаться к нам сразу после работы? — шутиливо пожурил Вику Никита.

— Я не заставляла! — возмутилась Вика. — Я позвала, и Ника любезно согласилась.

— Представляю, — Никита притянул к себе Вику.

Мы приступили к съемке. Вика была неотразима — фотосессии были ее стихией. Никита держался сдержанно. Но, в любом случае, смотрелись они супер.

— Отлично, — сказала я минут через двадцать. — Уже есть хорошие.

— Давай еще! — попросила Вика. — Ты же в курсе, я потом буду ныть, что мало.

Я засмеялась.

— Ок, еще парочку.

Мы сделали еще три-четыре кадра. Потом Никита чуть отстранился от Вики:

— Думаю, достаточно мучить Нику.

— Да мне несложно, — искренне произнесла я.

Я показала Вике экран и дала полистать кадры. Она всегда любила себя на красивых фото, и на этих снимках действительно вышла потрясающе.

— Ну все, пойду ставить чайник, — удовлетворенно муркнула Вика.

Вика налила всем гречишного чая с какими-то ароматными добавками и села рядом с Никитой. Она ерзала на месте, как будто что-то собиралась сказать, но не могла подобрать слов.

Это не было похоже на Вику — она обычно заявляла все прямо. Сейчас же подруга выглядела так, словно выбирала момент, который идеально впишется в картинку вечера, и ничего не испортит.

Я наблюдала за ней, делая маленькие глотки горячего напитка. Впервые за долгое время мне было по-настоящему хорошо — думать ни о чем не хотелось. Тугая нить тревоги ослабла, даже дышалось легче.

— Ник, слушай, может, пора уже кое-что обсудить? — стрельнула в меня взглядом Вика.

Я аж поперхнулась. Сердце забилося в ускоренном темпе. Обсуждать Тима и ту ситуацию я все-таки была не готова — а все шло как раз к тому.

— Что-то расхотелось, — промямлила я. — Давай попозже.

Несмотря на изначальный план, не тянуло портить этот вечер. Хотя бы еще чуток побыть в этом блаженстве, притворяясь, что не было последних кошмарных дней, и все это мне просто приснилось.

Никита тактично делал вид, что не слышит нашего разговора, и молча пил чай, уткнувшись в мобильник.

— Ну как знаешь, — недовольно повела подбородком Вика. — Но мы еще к этому вернемся. Ой, забыла благовонии зажечь!

Она запалила половинку палочки — пространство практически сразу наполнилось густым, пряным, чуть сладковатым ароматом. Я моментально узнала этот запах — именно он был в хэллоуинскую ночь, когда мы с Викой отмечали праздник гаданием, и я на время выпала из реальности. При мысли об этом в голове до сих пор была пустота.

То ли от тепла квартиры и чая, то ли от запаха, но меня размазало. Я пыталась сосредоточиться на кружке, благовонии, лицах Вики и Никиты.

Однако внимание постепенно ускользало: дым, аромат благовоний, мягкий полумрак создавали ощущение, что границы между действительностью и воспоминаниями становятся зыбкими. Мир вокруг меня размывался, и я ничего не могла с этим поделать.

— Ник, тебя опять уносит куда-то, — как сквозь плотный туман услышала я смех Вики.

Это было последнее, что я запомнила — а затем отключилась.

Глава 18. В купальне

— Очнулась наконец-то.

Реплика, произнесенная холодным безжизненным голосом, возникла из ниоткуда. Разорвала вязкую пелену, выдернула меня из колыхания клейких волн, в которых я тонула.

Впрочем, волны существовали на самом деле, это не было сном. Точнее, то оказалась просто вода: она была горячей и чуть колебалась, мягко обволакивая.

Едва я успела это осознать, на меня обрушились запахи: хвоя, земля, сырая древесина... знакомые благовония.

— Ну же, просыпайся, крошка, мы соскучились по тебе, — раздался еще один голос, совсем другой: жаркий, требовательный, нетерпеливый.

Фар! А первый, значит, был Тан. С трудом до меня дошло: я отключилась, находясь дома у Вики, а теперь была тут, в хижине варваров.

Открывать глаза я не спешила, хотя мои мужья и поняли, что я нахожусь в сознании. Но было страшно представить, что последует за моим окончательным пробуждением.

— Кажется, нужно помочь нашей сучке прийти в себя, — прошипел Фар.

На этих словах чьи-то руки вдруг обхватили мои ноги и уверенно развели их в стороны. Затем ладонь скользнула по внутренней поверхности бедра. Щекотка, пронзившая тело, тут же растворилась в пьянящем волнении.

От неожиданности я тут же распахнула глаза, не успев придумать хоть какой-то изящный способ остановить порочные движения этой нахальной ладони.

Свод купальни плыл — я смотрела на него сквозь пар, наполняющий помещение. Потолок нависал очень низко, и в щелях между прутьями мерцали какие-то отблески — видимо, леса.

По обоим бокам от меня были варвары. Фар неторопливо проводил пальцами по коже: изучал, ждал реакции. Она была — неконтролируемая, но моментальная.

Удивительно: всего несколько прикосновений, а мне отчаянно хотелось податься навстречу, ускорить встречу моего лона и его пальцев. Поняв это, я тут же испытала стыд: жгучий, разъедающий изнутри, отменяющий все желания, неосторожно возникшие не по моей воле. Я попыталась свести ноги, но хватчики крепко держали бедра, исключая малейшую возможность пошевелиться.

Однако этот стыд был тонкой пленкой поверх другого чувства, исходящего из самого моего нутра. Тело не желало останавливаться — и это приводило меня в еще больший ужас. Каким-то извращенным образом от осознания собственной распущенности становилось только горячее.

Тан располагался с другой стороны, опираясь локтем свободной руки о край купели — или что это было. Глаза у него были темные, глубокие, бесстрастные. Но в этом спокойствии чувствовалось что-то такое жуткое и одновременно притягательное, от чего у меня по коже вдруг забегали мурашки.

— Не дергайся, — сказал Тан. — У тебя слишком мало сил. Необходимо восстановиться.

Какое там восстановиться... Мне казалось, что я горю изнутри. Я желала закрыться и в то же время распахнуться навстречу этим мужчинам, о которых я не знала практически ничего. В голове это звучало дико, но плоть явно жила по каким-то своим законам.

— А почему мы... тут? Что это? — хрипло выдохнула я, силясь отвлечься от движений ладони Фара, который не прекращал ласкать мои ноги, делая это все смелее и смелее.

— Купальня, — пожал плечами Фар.

Это я и сама видела. Вода в чаше все так же заметно пульсировала, источая тепло — наверно, из какого-то подземного родника. Стены помещения были отделаны грубым кам-

нем, поросшим мхом. Они отражали приглушенный свет, который пробивался сквозь щели в потолке, и наполняли пространство зеленоватым сиянием.

— А как мы тут оказались?

— Отключаться стало твоей привычкой, — ледяным тоном отметил Тан.

— Да не пугай ее, — пророкотал Фар, и по голосу было понятно, что он, как обычно, ухмылялся. — Наша маленькая женушка всего лишь не выдержала напряжения. Ничего, привыкнет. Это только начало. Потом научится кончать и кончать без передышки.

— Закрой рот, Фар, — сухо отозвался Тан.

— Ага. Щас, — хмыкнул тот бесстыже. — Я просто излагаю, как есть.

— Ну что, живая? — поинтересовался Фар. — Можешь говорить? Или тебя еще шатает после того, как ты...

— Фар, — резко обронил Тан.

— Ладно-ладно, без пошлостей. Пока, — смирился тот.

Но при этом не остановился: его рука подбиралась к моей промежности все ближе. Мне было все сложнее сдерживаться и притворяться, что ничего не происходит.

— Так вы перенесли меня сюда? И давно?

— Какое-то время назад, — ответил Тан. — Ты потеряла сознание — это было опасно. Лес не всегда различает удовольствие и уничтожение. Теплая вода стабилизирует дыхание и ритм, возвращает контроль. Тебе нужен был покой.

Какая цель бы у них ни была, до покоя мне было очень и очень далеко. Возбуждение расплзалось по телу, делая даже минимальное прикосновение болезненно сладким и мучительно неловким. Умелые пальцы заставляли тело реагировать прежде, чем разум успевал осознать, что оно хочет и что стыдливо пытается отвергать.

— И вид на нас, — добавил Фар. — По-моему, шикарная терапия.

Тан кинул на него взгляд, который у любого другого вызвал бы желание провалиться под землю, но на этот раз промолчал.

Я смотрела на них обоих и ощущала, как во мне поднимается что-то странное — теплое и дрожащее. Похожее на продолжение той волны, что чуть раньше накрыла меня в мшистом ложе.

В ответ пальцы Фара вдруг проскользнули внутрь меня. Не сильно глубоко, не достаточно, чтобы я то ли охнула, то ли простонала.

Свободной рукой Тан схватил волосы, скрутил их в жгут и резко повернул мою голову к себе.

— Нравится?

Мне хотелось соврать, сказать ему нет, оттолкнуть его ладонь. Но властное прикосновение и жесткий взгляд сделали свое дело: по низу живота прошел безумный спазм. Обволакивая меня жаркой удушливой пеленой, он лишал последних крупиц ясности, затягивая в марево полубытья.

На миг я прикрыла глаза и постаралась собрать мысли в единый поток. Но они текли так же, как вода — медленно, обжигаяще и тягуче.

— Смотри на меня, когда я говорю с тобой, — отчеканил Тан, и я подчинилась. — Ты не ответила. Нравится вот так, когда тебя имеют пальцами в отверстие, а ты не можешь прекратить это?

— Нет! — запротестовала я.

— Упрямая девочка, — прямо в ухо шепнул мне Фар. — Такая нежная, но такая упрямая. Что ж, мы научим тебя послушанию.

Он вдруг вынул из меня пальцы. Возникшее ощущение пустоты и разочарования оказалось не менее острым, чем предшествующее ему возбуждение.

— Хочешь, чтобы я продолжил? — с едкой усмешкой бросил Фар.

Я пискнула что-то неопределенное. Как я могла дать ответ, если я сама не понимала, чего хочу?! Мое тело требовало разрядки, а разум был в шоке от всего, что происходит, но не подкидывал никаких умных мыслей. В нижней части живота ныло, а варвары были так близко, что отреагировать как-то адекватно было совершенно невозможно.

Тан приблизил мое лицо к своему вплотную. Его ладонь все еще держала меня за волосы — не больно, но неумолимо.

— Итак, — тихо процедил он. — Что ты чувствуешь?

Я сглотнула.

— Я... не знаю...

— Наша развратная подстилка знает, — лениво вмешался Фар. Его палец возвратился на место и начал нарезать круги на чувствительной коже самым томительным из возможных ритмов — тягучим и дразнящим. — Только боится назвать это вслух.

— Да, это любопытно, — хмыкнул Тан. — Потому что если скажешь, тебе придется признать правду о себе.

Какую правду? Я предпочла не переспрашивать. Но стало еще больше не по себе оттого, что они так безошибочно угадывали меня. Видели то, что я старалась скрыть даже от самой себя. А еще оттого, что Фар снова убрал ладонь от моей кисти.

— Хочешь, чтобы Фар вернулся к тому, что начал? — Тан не отрывал от меня взгляда, буквально принуждая меня смотреть в его гипнотизирующие глаза.

Затем разжал руку, стягивающую волосы, и опустил ее ниже, к груди. Зажал сосок между пальцев и стал чуть потирать его.

От этого тело пронзила резкая вспышка, похожая на электрический разряд. В груди вспыхнуло сладкое оглушающее ощущение — и стремительно опустилось вниз. С губ сорвался очередной непроизвольный стон — но более громкий, чем прежде.

Фар тем временем все кружил около цели — почти доходя до цели, почти даруя облегчение... но не давая. Я вдруг поймала себя на том, что стиснула руки в кулаки, словно это могло хоть чем-то помочь перетерпеть изнурительное ожидание. Хотелось впустить в себя пальцы Фара так, чтобы испарились и зачатки мыслей — но он не позволял.

Воздух в купальне был влажным и разгоряченным. Казалось, что пар входит в легкие вместо кислорода. Все вокруг клубилось: слова и касания Тана и Фара, мои слабые попытки не издавать звуков, неистовое желание дойти до финала.

— Ну так что, остановиться прямо сейчас? — издевательски произнес Фар. — Оставить тебя вот в таком состоянии? Желаящую кончить, но неспособную признаться в этом.

От его вопроса у меня сорвало внутренний клапан. Я поняла, что уже давно была готова. Страшно готова. Гораздо сильнее, чем решила бы признаться себе хоть секунду назад.

— Нет... — пролепетала я, не веря, что говорю это.

Фар одобрительно фыркнул и поднялся вместе со мной — легко, как если бы я ничего не весила. Горячая вода стекала с кожи, контрастируя с прохладным воздухом — от этого резкого перепада я задрожала.

— В ложе, — Тан тоже встал.

Их действия были отточенными и слаженными. Вдвоем они перераспределили вес: Тан плавно подхватил меня под колени, а Фар, уже стоявший со мной на руках, тут же перестроил захват: одну руку переместил под мою спину, другой поддерживал плечи.

И вот они уже несли меня в сторону комнаты... для утех, как они упомянули ранее. Оказалось, что вход в купальню был прямо из этого помещения.

— Ну что, — жадно облизнулся Фар, разглядывая мои обнаженные формы. — Готовь дырочки для своих мужей, наша похотливая шлюшка.

Как вы уже догадались, начинается все самое горячее!

Глава 19. Окончательно их

Сказанное не испугало меня — напротив, усилило жар в нижней части живота. До лежа было рукой подать — и пока мои мужья несли меня, я успела ощутить пульсацию метки на своем запястье. Она будто силилась мне что-то сообщить, но безуспешно.

Комната и ложе встретили нас влажным теплом. Пахло мхом и травами, и от этого сырого запаха внутри вскипало то же самое томительное напряжение, что начало разгораться в купальне.

Я дрожала от холода и возбуждения — и неизвестно, от чего больше. Стыд еще теплился в моей душе, но где-то очень глубоко. Все яростнее нарастало желание быть здесь, в руках этих практически незнакомцев, подчиняться им, чего бы это ни стоило и что за этим ни стояло. Что-то во мне просыпалось, тянулось к ним, к их грубости и власти.

Я не понимала, почему это так: ведь еще недавно подобная м

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.